

**НОВЫЕ
ИДЕИ**

**6 (15)
ИЮНЬ-АВГУСТ
2022**

A pair of sunglasses with a landscape scene reflected in the lenses. The reflection shows a bright, colorful scene with a figure in the distance. The background is a textured, abstract landscape in shades of yellow, orange, and brown.

НЕОНЛАЙН

**СПЕЦНОМЕР:
ВОЛКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ '22**

**НОВЫЕ
СТИХИ**

**НОВАЯ
ПРОЗА**

содержание номера

Слово главного редактора	3
Книги на 9 Волковских чтениях	6
Антонина Яхина	9
XXV семинар молодых авторов	11
Александр Станковский	13
Анастасия Подкорытова	16
Александр Сыкалов	17
Евгения Гарнага	18
Анастасия Коваленко	26
Фёдор Ильин	31
СРЦИХЦи́ник у Маслова	37
Ирина Табакова	41
Яна Круглая	44
Алекс Катич	48
Катерина Тернистая	51
Никита Мальцев	55

продолжение

#6 (15)
Июнь – август 2022

NEОнлайн

**Спецномер:
I Этноконференция
«Волковские чтения»**

malo_blg

Альманах-газета Молодёжного Амурского
Литературного Объединения

Ежемесячник молодёжной литературы

Благовещенск, 2022

**Печатается в рамках реализации
Муниципального гранта администрации
г. Благовещенска в сфере культуры и искусства в
2022 году**

Муниципальная молодёжная библиотеки им. А.П. Чехова

Редакционная коллегия:

А.В. Коваленко

А.А. Рихновец

А.А. Юрьева

А.Р. Яхина

В произведениях сохранена авторская орфография и пунктуация

Пятнадцатый Спецномер Альманах-газеты является итогом I Этноконференции «Волковские чтения», организованной в рамках реализации Муниципального гранта администрации г. Благовещенска в сфере культуры и искусства. В номере собраны материалы мероприятий Этноконференции, а также приведён анализ ключевых событий «Волковских чтений-2022».

Читайте наши новинки в электронном виде на:

<http://boosty.to/malo.blg>

Номера до № 15 в свободном доступе можно найти по ссылке:

<http://amurpoet.ru/neo>

НЕОнлайн : Спецномер : I Этноконференция «Волковские чтения» : Литературно-творческое издание. – Благовещенск: Молодёжное Амурское Литературное Объединение; Совет Молодых Литераторов при Союзе писателей России, 2022. – № 6 (15). – 120 с.

Слово главного редактора

В мае 2022 года в рамках реализации Муниципального гранта администрации г. Благовещенска в сфере культуры и искусства Молодёжное Амурское Литературное Объединение и Муниципальная информационная библиотечная система г. Благовещенска впервые провели I Этноконференцию «Волковские чтения». Идея организации литературно-краеведческого мероприятия витала давно. Нашему городу и области для привлечения внимания молодых и начинающих авторов, исследователей и краеведов это требуется. Сейчас работа молодёжи активизируется практически в каждой сфере: люди стремятся больше узнать о своём роде, об истории своей семьи, что влечёт интерес к краеведению в целом.

Не передать словами, насколько большую работу в рамках подготовки и проведения чтений проделали работники МБУК «Муниципальная информационная библиотечная система». Благодаря им каждый мог познакомиться с работами жителей города и области в литературоведении, живописи, декламационном мастерстве. Кстати, в первых чтениях приняло участие со своими исследовательскими работами большое количество молодых филологов. Они рассказывали об амурских поэтах, прозаиках, их произведениях. Как знать – может, в будущем будут появляться исследования, основанные на книгах и произведениях участников предыдущих чтений.

В литературе же в последние 5-7 лет по всей стране возникают молодёжные фестивали и семинары. Требовался подобный формат и для наших молодых авторов. На семинарах проходит передача опыта, разбор произведений и обратная связь от читателей – опытных, имеющих огромный читательский и писательский стаж. Но куда важнее услышанной критики общение на мероприятиях, до и после них, знакомства и само нахождение в «литературной тусовке». Ведь человек всегда находится в обществе, оно на него влияет и изменяет. Хочет того писатель или нет, он также должен изменяться, при этом не откидывая тот огромный базис, который нам достался вместе с

русским языком – русская литература! Хотелось бы отметить, что в последнее время, поработав с нашими мастерами, с молодёжью, я стал понимать различие между понятиями «литература Приамурья» и «амурская литература». Амурский писатель – часть всей русской литературы, произнося «амурская литература», человек сознательно указывает на её «местячковость», «узость», что неверно.

С учётом того, что впервые семинар в нашем регионе состоялся в феврале 1951 года, нужно подчеркнуть, что мы *возобновили* практику работы с текстами и с самими молодыми авторами. В этом нам помогли заслуженные мэтры амурской литературы и литературоведения – Владислав Григорьевич Лецик и Александр Васильевич Урманов.

Кстати, с Владиславом Григорьевичем у нас в этом году состоялась, на мой взгляд, разбросанная во времени занимательная дискуссия. В январе этого года он отметил, что у писателя в наше время есть огромный конкурент, который мешает. Это интернет. На что я выразил мысль, что интернет не мешает, а помогает.

Перед проведением XV семинара молодых авторов Владислав Григорьевич продолжил и развил мысль (не дословно): «...*Это, как если бы я сказал: «Это – поезд!»*. *А молодой автор добавляет: «Поезд зелёный!»* ... *Интернет отвлекает и мешает в том смысле, что мы в молодости, когда появлялось свободное время, открывали книги! А сейчас есть интернет, где много всего, и все лезут туда...*». Хотелось бы добавить, что проблема уважаемым Владиславом Григорьевичем озвучена верно: далеко не каждый мой ровесник много читает, далеко не каждый юноша заходит в интернет, чтобы поискать в свободном доступе сборник Гоголя или Булгакова. Вместе с тем, если бы не интернет, то лично я не прочитал бы 85-90 % того, что смог прочесть за последние 8-10 лет! Я либо вообще не узнал бы о книгах, либо нигде не смог бы их достать: ни в книжных магазинах, ни в библиотеках. А то, что каждый в интернете находит то, что ищет, – это не беда интернета. А беда ищущего...

А вообще, знали бы вы, как люблю, с какой тоской и ностальгией вспоминаю зелёные поезда я! Помнится, подходишь к студенческому пригородному «Благовещенск – Шимановск» и даже входить не надо внутрь. Стоит только постараться встать поближе к двери и вовремя подпрыгнуть. Тогда толпа занесёт тебя внутрь сама!

Ехать было приятно, душевно, тепло – в набитом плацкарте либо в вагоне-электричке, как мы его называли – «самолёт». Большое количество поездок в зелёных поездах совершил я и на поездах дальнего следования. Тёплые у меня воспоминания о зелёных поездах. И лично я не вижу ничего плохого, чтобы они существовали, чтобы я мог их дожидаться согласно расписанию.

Да вот беда: в феврале 2006 года РЖД приняло постановление, что все пассажирские вагоны в будущем будут перекрашиваться в цвета бренда компании – серый и красный. Есть подобный важный момент в деятельности всех организаций. Между прочим, краска на вагонах далеко не вечная. Срок её службы – от 3 до 5 лет. Собственно зелёный в советское время выбрали, как самый износостойкий. В 2006 году решили... Если прибавить ещё пять лет, получим 2011 год.

Получается, что примерно 10 лет бороздят просторы наших железных дорог поезда, раскрашенные в серый и красный. Нет у нас больше зелёных поездов. И не будет, скорее всего. И ездить нам надо на серо-красных. Иначе никуда не уедем вообще!

Не мы такие.

Время такое.

Время нас меняет, и мы становимся такими...

Андрей Коваленко

КНИГИ НА I «ВОЛКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ»

Олеся Ратушняк (Клеткина)

@id356349468

Отзыв на книгу Антонины Яхиной «#ТОНИНЫСКАЗКИ»

Тонь, привет, моя дорогая! Я тебе решила написать, потому что хотела выразить большое восхищение по поводу твоей книги. Мне она очень понравилась, действительно. Это не просто какая-то лесть. Мне достаточно редко нравится современная проза, тем более такой жанр: в стиле повестей, сказки. Я больше любитель детективов. Но вот твоя книга, она, знаешь...

Во-первых, сами сказки производят двоякое впечатление. Неоднозначное, скажу тебе сразу. Они воспринимаются как части какой-то большой истории, которая должна быть в отдельной книге, самостоятельной. Но в то же время вполне закономерно претендуют на полноценную самостоятельную роль как маленького произведения. В этом такая неоднозначность. Хотя, возможно, в этой книге и есть где-то продолжение какой-то одной из историй и, может быть, какая-то её часть. Мне это, знаешь, напомнило чем-то фильм «Город грехов» 2005 года Фрэнка Миллера. Там три разные истории, логически не связанные между собой. Но в каждой из них эпизодически встречаются персонажи, которые есть в других историях, причем иногда даже в главных ролях. В других историях они играют второстепенные роли.

Поэтому вот такой эффект от твоей книги. Но интригует, я тебе скажу, интригует... Хочется читать дальше.

Я пока прочитала только 20 твоих сказок, поскольку со временем проблемы. Очень хотелось бы посвятить много

времени чтению, музыке, вязанию, писанине, самой писать, ты знаешь, но пока с этим проблемы.

Сегодня мы почитали три сказки, когда у меня Тимофей ложился спать. И он под них уснул. Я ему читала сказки про жука, про ягодный домик, про большую бабочку и «Странные люди». Вот на этой сказке он и уснул. Он всё внимательно слушал. Даже когда я остановилась, сделала паузу, он повернулся, на меня так посмотрел: «Мам, читай!». Ему понравилось само звучание голоса и рифмованность слов, текст, последовательность повествования. Поэтому молодец!

И книга вообще шикарная сама по себе: обложка, оформление. Оформление приятное, простое, удобное. Не навороченное, всё удобно, просто и особенно вступление шикарно. Спасибо тебе огромное! Ты мне подняла настроение. Я обязательно твою книгу дочитаю!

Ирина Денисова

@irisadidrisa

Отзыв на книгу Антонины Яхиной «#ТОНИНЫСКАЗКИ»

Ирина Денисова

#тонинысказки

*Я не читала, а смаковала каждую сказку... Я не спешила, стараясь распробовать вкус каждой истории. Улыбалась, смеялась, удивлённо хмыкала, вздыхала, ловила набегающие слёзы... Узнавала героев, узнавала себя))
Рекомендую!*

@antoninayakhina

Антонина Яхина

@antoninayakhina

ФАКТЫ

Руководитель секции прозы МАЛО_БЛГ.
Летом приняла участие во Всероссийской школе писательского мастерства с участием молодых писателей Дальневосточного Федерального округа России от Фонда СЭИП в секциях поэзии и прозы.
На «Волковских чтениях» презентовала свою книгу прозы #ТОНИНЫСКАЗКИ.

Дождь – это...

– Снова дождь! – воскликнула Люси и с воодушевлением надела зелёные резиновые сапожки с нарисованными апельсиновыми дольками по бокам.

– Ага, – вздохнула её сестра Роза, нехотя кутаясь в оранжевый полиэтиленовый дождевик. – Двенадцатый раз за день!

Корзинка с дарами была снова полна, и феечки вылетели в окно.

Несмотря на серое небо над головой, тяжёлую корзинку и не совсем удобное непромокаемое одеяние, Люси очень любила эту работу! Их задачей было – ни много, ни мало – доставлять людям капельки радости.

Так, пожилому мужчине в полутёмной комнате на третьем этаже феечки подарили искорку, и через мгновение настольная лампа тёплым светом озарила кресло для чтения. Для мамы и малыша феечки сложили колыбельную из падающих капель дождя. А вот влюблённому подростку Петьке пришлось добавить громкости для романтики, направив поток воды прямо на стёкла, как в кино. Бабе Шуре на первом этаже феечки отодвинули кухонную занавеску, чтобы приправить тёплый

ромашковый чай запахом летнего дождя. А для молодой писательницы, живущей под крышей, оставили горсточку вдохновения прямо у распахнутого настежь окна.

Опустошив корзинку, феечки сидели на краю крыши и болтали ногами. Они улыбались, глядя на падающие с неба серебристые струи. Они знали, что дождь – это не мокрая печаль.

Дождь – это творчество, время для близких и... зелёные резиновые сапожки с нарисованными апельсиновыми дольками по бокам.

XV семинар молодых авторов Благовещенска и Амурской области

Литературные семинары молодых авторов – далеко не наше открытие. Начало им положили ещё в далёком 1951 году. 2-3 февраля в областном центре под руководством ответственного секретаря Дальневосточного отделения Союза писателей СССР Николая Митрофановича Роголя прошло «первое совещание молодых писателей и поэтов Приамурья». Подробнее с историей этого совещания каждый может ознакомиться в № 4 (июль 2021) альманах-газеты «НЕОнлайн».

Позднее совещания проходили стабильно вплоть до конца 1980-х годов. Они меняли название, меняли мастеров, наставников и кураторов. Одно оставалось неизменным – каждый раз литературный праздник собирал самых талантливых, самых дерзких и прогрессивных авторов, которые стремились войти в литературу, научиться работе со словом, улучшить свои писательские навыки. Вскоре бывшие семинаристы становились мастерами, некоторые вступили в писательские объединения.

Хотелось бы привести хронологию проведения совещаний:

- 2-3 февраля 1951 г. – I областное совещание писателей и поэтов Приамурья;
- 1-3 июля 1952 г. – II Областное совещание молодых писателей и критиков (в том числе, обсуждали 2-й номер «Приамурья»);
- 17 декабря 1953 г. – III областное совещание молодых писателей;
- 6-8 июля 1959 г. – IV совещание литераторов Амурской области (с участием писателей Москвы и Хабаровского края).

После первых четырёх совещания начинают проводиться без сквозной нумерации, однако общая тенденция сохраняется. В скобках, слева мы будем указывать номер у «не пронумерованного» совещания:

- 6 октября 1964 г. – (V) «Очередное совещание амурских литераторов»;

- Ноябрь 1965 г. – (VI) Работа поэтов и прозаиков ЛитОбъединения «Приамурье» с участниками совещания молодых литераторов Сибири и ДВ;
- Ноябрь 1974 г. – (VII) Семинар амурских литераторов с участием поэта Алексея Смольникова;
- Февраль 1976 г. – (VIII) Совещание литераторов Приамурья.

С 1980 года возобновляется сквозная нумерация региональных встреч. Они начинают проводиться раз в два года на регулярной основе вплоть до конца 1980-х:

- 14 марта 1980 г. – IX областное совещание молодых литераторов;
- 18-19 сентября 1982 г. – X областное совещание молодых литераторов;
- 6-8 декабря 1984 г. – XI совещание молодых литераторов;
- 5-6 декабря 1986 г. – XII совещание молодых литераторов;
- Январь 1989 г. – (XIII) «Очередное совещание молодых литераторов Приамурья»;
- 25 мая 1996 г. – (XIV) Областной семинар молодых литераторов, посвящённый Дням славянской письменности и культуры.

С 1995 г. ежегодно проводились семинары для юных литераторов под руководством И.Д. Игнатенко, выходили отдельные издания.

В 2022 году мы вновь возобновили практику проведения семинаров молодых авторов. Мероприятие прошло 22 мая в библиотеке им. Б. Машука, наставниками стали Владислав Григорьевич Лецик и Александр Васильевич Урманов, ассистентами наставников – Елена Владимировна Войтенко и Татьяна Александровна Ярушина. А общее количество участников перевалило за 15 человек, с произведениями некоторыми из них мы хотим вас познакомить.

Андрей Коваленко

Александр Станковский

@agitprop7191

ФАКТЫ

Родился в 2001 году в городе Благовещенск.
Учится на Естественно-географическом факультете БГПУ.
Активный участник молодёжных мероприятий.

* * *

Лишь только скрип глухой виолончели
Унёс с собой в потерянный апрель.
Любовь была похожа на качели,
В которые не сел бы я теперь.

По вечерам, представленный досугам,
Тебя любил представить под венцом.
А что любовь? Любовь – она, как выюга,
К которой я направился лицом.

Дышать трудней, и воздуха всё меньше,
И не прошла привычка под окном
Стоять. Любовь... любовь – она, как скрежет,
Который раздаётся над стеклом.

С тобой эскиз в окне квартиры этой
Я заставлял, как помню, во весь рост.
И что любовь? Она ведь, как комета,
И от неё остался только хвост.

* * *

Как говорил поэт, там жизнь бренчит бемолем

И из грязи дорог переродилась в голем.

Там тяжесть от проблем смягчают алкоголем.

Там бродит молодёжь. Одни в нарядах броских,
За чёлкой прячут глаз и пьют, понтуясь Бродским,
Другие просто – пьют. И носят «три полоски».

Как хмурые леса, стою я во рванине

Востока посреди, и сам – посередине,

Меж двух племён моих ровесников и ныне.

Там кажется размах автомобильных пробок
Несвойственно большим для тех, кто помнит город,
Как маленький причал заселенных корабок.

Королева Елизавета

Королева Елизавета

очень любит звонки в субботу,

потому что в буднее время

государственные дела.

Королева Елизавета

очень любит свою работу,

она царствует. Ей все верят –

Королева всегда права.

Королева Елизавета

ценит чопорных и педантов,

но не любит – ведь уживаться

с одинаковыми трудней.

Королева Елизавета

ценит скромную сумку с бантом

и не против, когда решатся

с этой сумкой ходить за ней.

Королева Елизавета

уважает своих гвардейцев,

что в немаленьком Букингеме

августейший хранят покой.

Королева Елизавета,
помолитесь за европейца,
с Вашим именем этот смертный –
принимает неравный бой.

Королева Елизавета,
возведите мальчишку в графы,
можно в герцоги или принцы,
ну а лучше бы – в короли.

Эта песня ещё не спета,
Королева Елизавета.
Не взимали бы только штрафы
за признания Вам в любви.

Королева Елизавета,
отзовитесь на зов просящих,
не прощайте врагов престола
и не верьте тугим речам.

Королева Елизавета,
Ваш сияющий вид обманчив,
Вы бываете тоже плохи
и тревожитесь по ночам.

Королева Елизавета,
верно, очень давно устала
вечно царствовать, но не править,
и хотела бы взять своё.

Эта песня ещё не спета,
Королева Елизавета...
Уж Её-то Величество знает,
как бы лучше закончить её.

Анастасия Подкорытова

@podkorytova98

ФАКТЫ

Работает в конном клубе «Аллюр».

День рождения отметила в дни проведения I
Этноконференции «Волковские чтения».

* * *

Когда серые-серые,
Когда тёмные-тёмные,
Когда в прошлом все верные
И в душе-то всё порвано.
 И от дня и до месяца,
 И от года до вечности
 Нет там места стране моей
 Бесконечности. Бесконечность та
Не святая империя,
Не союзы народные,
То страна государева,
Государево логово.
 А страна моя малая –
 Всё прилавки да улицы,
 Только небо там хмурится
 И закат – стрела алая.

Александр Сыкалов

ФАКТЫ

Александр 21 год.

Стихи начал писать, проходя обучение в кадетском корпусе.

Учится на Историко-филологическом факультете БГПУ.

Без образа

Без образа и без лица,
Как набросок на холсте творца,
Забытый в дождь на краю крыльца.
Толпы скалятся, притворяются,
А в ответ им улыбаются.
Им не нравится, что они блестят.
Хотелось бы так, но лица болят
От ноши тяжёлой. Масок наряд
В гардеробе лица таят.

Питер

Моя душа – грустный Петербург.
Всё для глаз красиво, но дожди идут,
Марая всех вокруг, стирая все вокруг.
Смешай все слезы с грязью – я останусь тут.

Призма

Казни свои чувства публично.
Дышал твоим ядом – ты чиста
В призме фальшивых, напыщенных,
Сжённых внутри, перечисленных.
Как вонь. Среди честных – как боль.
Я все кадры в огонь
Скинул, испепелил с тобой.

Евгения Гарнага

@egarnaga

ФАКТЫ

Евгении 27 лет.

Работает начальником отдела по связям с общественностью в БГПУ.

Рассказы и сказки пишет уже более 10 лет.

ЦИТАТА

«Мечтаю создать свой фэнтези-мир».

Сказки провинциального города

Эпизод 1. Пакеты

Вы замечали, что город живёт своей, независимой от людей жизнью? Улицы, дороги, каждая табличка, тротуары, дома города – это всё зримая сторона, та, до которой населённый пункт благодушным и широким жестом допускает своих жителей. А что же скрывает невидимая глазу обычного человека параллель? А, может, и видимая, просто мы порой не хотим замечать, не хотим верить, что она существует. Да и параллель ли она, если находится среди нас?

Шагая по пустынной ночной улице, мы, поеживаясь от нависшей тишины, стараемся поскорее её пройти. И вот здесь можем не заметить одну незначительную деталь, которая кажется нам настолько привычной, что искать в этом двойное дно представляется сплошным бредом, – пакеты. Целлофановые, бумажные, маечные – разные. Ветер гоняет их по улицам, словно перекаати-поле по степи. Редко встретишь два и более пакета в одном месте. Чаще всего видишь одинокий, вздувшийся от порыва ветра клочок людской цивилизации, нерасторопно переплывающий проезжую часть, или легкий, словно пушинка, полупрозрачный «парашют», стремящийся в небеса. Некоторые «парашюты», будто попав в ловушку, долго висят на ветках деревьев и рвутся, рвутся на свободу, а после

оппадают без сил, обмякнув и смирившись. Но стоит лишь подуть ветру, и пакеты-«парашюты» снова начинают свой неравный бой.

Вряд ли вы думали о том, как эти пакеты оказались посреди улицы. Да и что думать?! Всему есть логическое объяснение: принесло ветром со свалки, выбросил человек. Ещё на мусор обращать внимание!

Вот поэтому подобные объекты, мало интересующие взгляд человека, часто выбирают мистические городские обитатели. Их ещё называют вольными сущностями.

Кто же выбрал средством передвижения пакет, спросите вы. Тут всё просто – Сквернодумные Шуршуны! Слышали про таких? Нет?

О-о-о, вы многое потеряли! Сквернодумный Шуршун – очень лёгкое, полупрозрачное существо с пупырчатым телом. У него длинные цепкие, но при этом тоненькие, как веточки, лапки и закрученный в спираль хвост. Чешуйки хвоста, соприкасаясь друг с другом, издают громкое шуршание. То самое шуршание, которое мы как раз привыкли слышать от пакета. Сквернодумные Шуршуны появляются тогда, когда человека посещают мысли о несправедливостях жизни, тяжёлой работе или учёбе, об одиночестве.

Возможно, вы отмечали взаимосвязь таких явлений. Бредёте домой или ещё куда-то, а впереди видите неясное шевеление – то ли зверь какой, то ли человек на корточках. Подходите ближе – пакет! Начинаете смеяться над своей дальнорукостью и идёте дальше уже в приподнятом настроении. Или вышагиваете по знакомой улице, и ваше внимание привлекает пакетик, который, как медуза в пучине океана, медленными волнообразными движениями приближается к земле, падая неизвестно откуда. И вы уже не думаете о своих невзгодах. Вы начинаете размышлять о том, что неплохо было бы посетить океанариум или умчаться в отпуск к морю. Ваши мысли становятся более светлыми и тёплыми.

Так вот это работа Шуршунов. Они моментально оказываются там, где чувствуют, что кому-то нужна помощь в

перестройке мыслей. Неважно ребенок это или умудренный опытом взрослый – чары Шуршунов действуют на всех. Только и помогают, конечно, они не задаром. Негативные мысли и небольшая толика энергии – их самое любимое лакомство. Поэтому часто после мыслительной перезагрузки человек нестерпимо хочет залечь в горячую ванну, поваляться на диване или же выпить кофе.

Поймать данных существ не так-то просто, да и не следует, потому что всё в этом мире взаимосвязано. Также, как пищевая цепочка в природе. Каждый важен и для чего-то нужен.

Впервые услышав историю про Сквернодумных Шуршунов, я, возможно, как и вы, принял это за сказку. Тем более, что рассказал мне её далеко не самый нормальный паренёк, которого неоднократно ловили на излишнем полёте фантазии. Самое удивительное в рассказах Славика (так зовут паренька) – его искренняя вера в них. Он постоянно что-то зарисовывал, носил с собой какие-то непонятные штуки. В общем, вёл себя часто непонятно, чем неоднократно отпугивал народ или, напротив, вызывал смех. Посмеявшись над его рассказами про Шуршунов, я смеха ради спросил, как же всё-таки их увидеть. Славик настороженно посмотрел на меня и, немного помявшись, рассказал, предварительно взяв с меня обещание этого не делать. Лучше бы промолчал, потому что, будучи человеком научного склада ума, я люблю всё необъяснимое делать объяснимым. Вам, чтобы вы не повторили моей ошибки, данную инструкцию я лучше писать не буду.

Затеял я, собственно, недоброе. Хотел всё проделать по инструкции Славика, а затем выложить в сеть видеоролик об этом с разоблачением нашего вруна. И хэштеги уже даже подобрал – #Детский_сад, #Шуршуны_в_голове и прочую чушь. Но всё пошло не по плану. Именно тогда я узнал о той, второй, скрытой стороне города. И о том, как много проживает здесь тех, о ком мы даже не догадываемся.

Стоит ли говорить о том, что данным вольным сущностям не понравилось моё столь невежливое вторжение. Нет, они не

причинили мне вреда. Они просто исчезли. Исчезли навсегда из моей жизни.

Сейчас, спустя многие годы, став исследователем городского мистического мира, я понимаю, что следовало сначала спросить разрешения. Когда являешься без спросу, не стоит ожидать, что кто-то тебе обрадуется. Но былого уже не вернуть. На данный момент я стараюсь сохранить то волшебство, которое ещё осталось в моей жизни, потому что волшебство – очень хрупкая материя. От бережного отношения мистический мир не нарушается, а, напротив, становится вашим помощником.

А вот Шуршуны меня больше не посещают.

Нет, это совсем не означает, что мимо меня больше не летают пакеты. Они есть, только это обычные пакеты, которые принесло из незакрытого мусорного бака или выдуло из близлежащей урны. Это мусор. Не наполненный волшебством.

Дальше, с величайшей радостью, я расскажу вам о том, кто ещё населяет привычные пространства городов. Приведу примеры из своих научных исследований и наблюдений.

А эту главу пора завершать.

Эпизод 2. Кеды

Обувь, висящая на проводах, вызывает смутные мысли и непреодолимо-тоскливое чувство чего-то брошенного и одинокого. У городских жителей в арсенале имеется масса версий их появления, но точно ответить может мало кто, потому что свидетелей обстоятельств, при которых данный элемент уличного декора появляется, практически нет. Большинство ответов основываются лишь на городских слухах и «додумках». Самое широкое распространение имеют версии негативного характера. Здесь нечему удивляться – человек на протяжении всего своего существования приписывает неизвестному и непонятному отрицательные качества. Нужно отдать должное, данное качество в какой-то степени помогло людям выжить.

Новые, старые, яркие и посеревшие от времени, разного размера и марки – все вместе кеды создают ещё более расплывчатую картину.

Моя версия может показаться выдумками разыгравшегося воображения, однако именно она раскрывает всю правду. И подкидывает скептикам работёнку.

Ночью у города своя особая жизнь. Разве можно себе представить, что эта жизнь делится на два яруса: верхний и нижний? К нижнему ярусу относятся сущности или, как их ещё называют, эссансы, которые обладают скверным характером. Эти эссансы, как правило, малообщительны, многие из них не обладают разумом и довольствуются природными инстинктами. К верхнему ярусу относятся доброжелательные, в меру общительные (могут перекинуться с вами парой-тройкой слов) эссансы, которые передвигаются по проводам. Можете себе представить похожих на людей существ, которые проворно снуют туда-сюда по тоненьким линиям? Нет? Вот и я не мог, пока однажды не стал очевидцем.

Лёгкие, полупрозрачные одежды эссансов верхнего яруса развевались на ветру. В руках существа держали зонтики, которые помогали им балансировать. Эссансы щебетали и смеялись, что-то активно обсуждая друг с другом.

И вот тогда я увидел, как одна из таких болтающих между собой парочек привязала кроссовки к проводам и, уцепившись, повисла на них. Затем существа, с визгом, подгоняемые ветром, скрылись, словно на фуникулере, в ночной дали.

Всё, что видел, я тщательно зарисовывал и давал краткое описание. Этых эссансов я назвал «Легкоступы». Наблюдать за их активной ночной жизнью было одно удовольствие.

В минуты наблюдения я часто задумывался о том, как много человек смотрит под ноги, боясь запнуться, и как мало смотрит наверх, тем самым пропуская удивительные вещи.

Лунный свет освещал силуэты Легкоступов, а ночной воздух доносил едва различимые слова их разговоров. Конечно же, я ничего не понимал – их язык был мне неизвестен. Но за время наблюдений я смог уловить закономерности и начал

понимать отдельные слова. Например, узнал, что у них существует слово, обозначающее смешанное чувство, которое объединило в себе удивление, радость, испуг и желание провалиться сквозь землю от смущения. Они называли его «смультфель», а процесс катания на кедах – «бомбовжик».

Бомбовжик оказалось любимым развлечением Легкоступов. Существа катались довольно часто.

После катаний уставшие эссансы спускались на зонтиках к фонтану. Кто-то из Легкоступов от нерасторопности падал напрямик в самый центр фонтана и испытывал потом полный смультфель.

В один из таких моментов я подкрался ближе, чтобы лучше рассмотреть мокрого, но довольного Легкоступа. Существо оказалось маленьким (его макушка едва достигала моих колен), с приятными точёными чертами лица, с белоснежной кожей, тоненькими ручками и ножками. Серебристые глаза и длинные, доходящие до пят серебристые волосы завершали картину.

Благодаря своим наблюдениям я узнал, что Легкоступы обожают морковь. Данный факт очень удивил меня, поскольку обосновать такую сильную любовь к овощу я не мог. Зато знание об этом предоставило мне возможность задобрить маленького эссанса. Ведь путь к сердцу любого существа лежит через желудок. Поэтому, вытянув руку с лакомством, я осторожно вышел из своего укрытия и медленно двинулся к Легкоступу. Тот увидел меня, но почему-то не ушёл, а удивлённо следил за каждым моим действием. Я подошёл достаточно близко, когда сущность произнесла на человеческом языке:

– Вы меня видите? – почуяв запах любимого овоща, эссанс начал водить носом, стараясь не подавать виду, что заинтересован угощением.

– Д-да, – первый контакт с обратной стороной города давался мне с трудом, и на мгновение я забыл собственную речь. – Кайоу! – выкрикнул я приветствие на легкоступском. – Вы говорите по-человечески?

– Знать иностранный язык полезно. Тем более, когда изучать носителя, – ответил Легкоступ. – Вы позволить? – он взял морковь из моих рук и довольно захрустел.

– Изучать? – я ничего не понимал.

Легкоступ, энергично дожёвывая морковку, безбоязненно раскрыл мне все карты:

– Понимать, не все верить в людей, а кто вас видеть – изучать. Меня звать Миро, я исследовать человеческий мир, – он протянул мне свою тонкую ручку, и я, не веря в свой успех, протянул в ответ свою.

– А меня Павел, – представился я. – С недавних пор стал учёным и исследую обратную сторону города, эссансов. То есть Вас.

Пообщавшись с Миро, я узнал, что сущности города также не все знают о существовании человека и верят, что в этом мире одни. Поэтому многим из них встреча с отпрыском Адама и Евы смерти подобна. Именно по этой причине Сквернодумные Шуршуны, когда я вторгся в их мир, испугались меня – сущности города не верят в существование людей. Также как не каждому человеку выпадает возможность увидеть эссанса (с чем это связано ещё предстоит разобраться), так и не каждый эссанс способен увидеть мир людей. Они живут своей жизнью, возможно, частично создают хаос вокруг себя. Но это их мир. Мы же, сталкиваясь с их житейскими составляющими, воспринимаем это как обыденность или недоработку ЖЭКа. Иногда ругаемся, потому что не понимаем. Не понимаем и не знаем, что на самом деле за этим скрывается.

Мне сейчас 25 лет. Любой нормальный человек моего возраста давно бы работал в офисе и копил на пенсию, но я уже не могу по-другому. Мне предстояло раскрыть ещё столько тайн вокруг себя.

Кстати, Славика, который и открыл мне глаза на происходящее вокруг, я не встречал уже давно. Говорят, он переехал в другой город. Возможно, там он тоже продолжил свои исследования, и когда-нибудь мы встретимся и обменяемся опытом.

А пока я горю любопытством узнать у вас, откуда берутся ямы на дорогах?

Что? Администрация не выделила денег на ремонт. Так, я и думал.

А что вы скажете, узнав, что этим занимаются Асфальтовые Многоножки, и ямки и трещины на дорогах им нужны, чтобы добывать лунную воду и прятать ценности? Вижу, заинтригованы.

С Миро мне стало гораздо проще подмечать тонкости, скрытые от обычного глаза. Да, мы стали сотрудничать. Но об этом позже.

Анастасия Коваленко

@kovalenkonasya

ФАКТЫ

Стихотворения публиковались в самом первом номере «НЕОнлайн».

В апреле 2022 презентовала первый поэтический сборник – «Мысленные краски».

Впервые представляет читателям свою прозу.

Ошибка

В посёлок N, где жизнь шла размерено и спокойно, в один из жарких дней июля пришло распоряжение довольно странного характера.

Глава посёлка в срочном порядке объявил внештатную планерку для руководителей всех инстанций. К двум часам дня в огромный зал администрации стали стекаться очень недовольные подчиненные. Рассевшись по местам, они коллективно обсуждали отпуск: отгулявшие делились своими впечатлениями, ожидающие – планами.

Глава посёлка, мужчина преклонного возраста, но очень подвижный и смыслённый, зашёл в зал и уверенной походкой прошагал к трибуне, приветствуя коллег. Заняв своё место, он откашлялся, призывая к порядку, и поправил галстук. Окинув взглядом каждого, томно вздохнул, предугадывая исход беседы.

– Уважаемые коллеги! Сегодня к нам поступил приказ, – глава поднял указательный палец вверх и закатил глаза. – Так сказать сверху, о необходимости провести... О необходимости провести...

Взглядом он рыскал по письму в поиске точной формулировки, бормоча под нос: «Да где же это... Так, так, так, так...».

– А вот, нашел! Значит так! Нам надо провести день морального инвалида! – торжественно завершил свою речь чтец.

В зале повисло молчание. Каждый размышлял над термином и доводами, как бы отвертеться от этой задачи, переложив её на других.

Выждав пару минут, глава спросил:

– Какие есть предложения?

Молчание стало более напряженным.

– Ну, раз нет предложений, значит, доверим это задание работникам культуры. Надеюсь, возражения отсутствуют?

Зал облегченно выдохнул и одобрительно закивал в знак согласия. В этот момент с места подскочила невысокого роста брюнетка, заведующая Домом культуры Фасолькина, и затараторила речитативом:

– И почему это культура должна этим заниматься?! У нас все лето в праздниках! У нас работы невпроворот! Инвалиды не наша категория! Это обязанность соцработников!

– Позвольте, милочка! – раздался низкий женский голос, и с места поднялась тучная дама с короткой стрижкой.

Милохина, начальник социальной службы, зарекомендовавшая себя подхалимка, заговорила слащавым тоном:

– Всеми уважаемый глава лучше знает. Или вы посмели усомниться в правильности его решения? – приподняв бровь, бросила надменный взгляд на оппонента. – Наш многоуважаемый руководитель осведомлён, что мы работаем с инвалидами физическими, то есть людьми, у которых проблемы со здоровьем, а не с моралью. Я ведь правильно думаю, Сан Саныч? – обратилась Милохина к главе, подарив самую очаровательную улыбку.

Глава сконфузился от столь откровенного обращения. А Милохина уверенно продолжала:

– Это, скорее, обязанность правоохранительных органов, они следят за порядком в обществе, и всякие там моральные-аморальные личности – их клиенты!

– Ё-мое! Приплыли! – сказал, привстав с места, высокий, но очень худой мужчина с копной рыжих волос – Шавкин, замначальника ОМВД. – Ну, это да... м-м-м... следить за

порядком – наша работа, да. С которой, так сказать, мы справляемся на «отлично». И да, я могу смело заявить – мы искоренили всех моральных уродов нашего посёлка! – гордо завершил свою речь он.

– Да кого вы там искоренили! – взвизгнула Фасолькина. – У нас в селе бардак! Реквизит на улице без присмотра оставить боимся! Разгромят! Украдут!

– Ну-у-у, милочка, успокойтесь, – сквозь зубы процедила Милохина. – Не надо здесь устраивать концерт, Вы – не прима! Я бы даже больше сказала, актриса с Вас никчемная!

– Ой, взгляните-ка, сидит тут – Королевишна! Сама-то, какова, а?

– Коллеги! Я призываю вас к порядку и взаимоуважению! – сказал Сан Саныч, чуть раздраженным голосом. – Продолжим, коллеги. Какие есть целесообразные предложения?

– Было бы кого тут уважать! – буркнула под нос себе Фасолькина.

Милохина зло взглянула в сторону Фасолькиной, перевела взгляд на Шавкина и слащавым тоном продолжила:

– Ну, милейший! Все знают Ваш принцип работы – если виноватых нет, то что? Правильно, Вы их обязательно назначите, найдете и накажете!

Шавкин загордился, потому что у него не было ни одного нераскрытого дела. Он всегда находил, кого наказать. В прошлом году он лично нашел «достоверные» улики и свидетелей, доказывающих вину в связи с кражей ржавого листа железа с заброшенной стройки Пашки-кочегара, который, между прочим, оскорбил сестру Шавкина! И таких примеров на памяти замначальника ОМВД было много.

А Милохина продолжила в том же тоне, разглядывая красные розы на ногтях:

– Мы уверены, что только Вам по силам справиться с этой задачей.

Шавкин почувствовал, что его ценят! И гордость накинута на него с объѣтыми, придав рыжему лицу медный оттенок.

– Ё-моё! М-м-м... Да, конечно, мы справимся, м-м-м... Только как бы это... м-м-м... правильно реализовать? Заметку, что ли, в газету написать: «Не делай хороших дел, будь, как Вася! Убей кота, ограбь соседа и много пей?», – раздался ехидный смешок Фасолькиной. – М-м-м... Только это пропаганда получается.

– Чертовщина это получается! – с места подскочил Роман Печать, главный редактор местной газеты, гуляка и врун. – Пока я редактор, я не позволю опошлять газету!

– Ой, можно подумать! Статьи Вашей «протеже» на главном развороте – вот настоящая пошлятина! Как будто нет нормальных писак, – язвительно произнесла Фасолькина.

– У нормальных писак нет столь выразительных глаз и вырезов декольте, – подхватила Милохина.

И обе язвительно хихикнули. Шавкин стоял в растерянности, не понимая, писать ему статью или не писать.

– Завидуйте молча! – огрызнулся Печать.

Совсем юная, но далеко не глупая девушка, Рая Целько, которой доверили исполнять обязанности на время отпуска почти всего отдела образования, тихо произнесла:

– Я тут в интернете посмотрела формулировку этого термина, так вот под этот термин можно подписать всех и каждого – кого-то в большей степени, а кого-то в меньшей. Может, просто устроим всеобщий праздник?

И тут такое началось! Зал взорвался от негодования, каждый выкрикивал, что он хороший, приводя примеры совершенных добрых дел, стараясь преподнести себя в более выгодном свете и при этом очернить других. Стали звучать оскорбления личного характера. Перешли на очень неприличные высказывания, затем на мат.

– ТИХО!!! – прокричал глава, который молча наблюдал за этим безобразием. – ТИХО! – повторил он уже чуть спокойней.

В это время дверь отворилась и в зал заглянула высокая девушка-делопроизводитель:

– Сан Саныч, вас к телефону. Возьмите трубку, я соединю.

Злое молчание повисло в воздухе.

- Угу... ага... хорошо, понял, – пробормотал глава, опустил трубку, поправил галстук, взглянул на присутствующих усталым взглядом и сказал:

– Отбой, в министерстве произошла ошибочка! В понедельник пришлют новое письмо, с исправлениями, там то ли день многонациональных индусов, то ли многочисленных индюков... Потом разберемся. А пока все свободны!

Присутствующие облегченно выдохнули, заулыбались друг другу и парами потянулись к выходу, мило беседуя, как ни в чем не бывало.

– Моральные инвалиды ...– подумал глава. – Наверное, пора мне на пенсию, что-то я слишком устал...

Фёдор Ильин

ФАКТЫ

Фёдору 18 лет.

В своём творчестве чаще отдаёт предпочтение короткой прозе.

ЦИТАТА

«...начал свой творческий путь совсем недавно, поэтому подобный семинар будет очень полезен для моего дальнейшего развития как литератора...»

Поезд

Казалось бы, я так часто езжу поездами, но всё ещё не могу привыкнуть к дребезжающему звуку прыгающих по столу подстаканников. Почему же они были без стаканов? Видать, остались после путников, ехавших в этом купе до меня. А купе и без этих следов былой чайной попойки не представляло из себя хоть какое-то минимально приличное место. Койка источала запах пота всех, кто на ней лежал за многие годы странствий этого вагона по различным местам страны. Даже свежий комплект одноразового белья не смог избавить меня от ощущения, что кожа касается чего-то грязного и липкого. Столик выглядел не лучше. Годы одарили его пятнами, шрамами и прочими отметками вещи-ветерана. Такие вещи-ветераны проходят через множество неаккуратных рук, но иногда находят последнее пристанище в руках юного реставратора или уже пожилого человека, ищущего в подобных предметах товарища, что хранит память о его светлых и беззаботных годах.

Взгляд медленно перетёк со стола на лампы с мутными стёклами. Интересно, сколько читателей скрашивали ночи книжкой, выхваченной из тьмы тусклыми лучами этих слабеньких светил? Видели ли они это купе, этот вагон, этот поезд не таким, каким его вижу я? Да только толку-то от этих вопросов. Чище от этого точно не станет. Хорошо, что ехать

всего ночь, а утром уже моя станция. Большую часть этого времени я буду спать, а когда не буду – уставлюсь в окно, как сейчас. Буду провожать глазами столбы с проводами, сгорбившиеся, низкие деревья, пожухлую траву и редкие деревушки без станции.

Ход мыслей нарушил поезд, ставший замедляться перед остановкой. Судя по всему, это будет какой-то крупный посёлок, которому уделено целых десять минут в расписании. Возможно, что кто-то сойдёт. Или же всё будет наоборот. Кто его знает? Чем ещё занять себя в поезде, если в багаже нет ни книги, ни даже обыденного развлечения любого заядлого любителя ездить поездом – сборника сканвордов? Знаю, что сам оставил такой сборник где-то на прошлой станции, но сетовать на самого себя смысла не было: ехать ещё целую ночь, а ложиться спать с плохим настроением совсем не хочется. Где-то на задворках сознания прогремели шаги человека. Похоже на то, что кто-то решился двинуться в путь отсюда в поисках... а чего, собственно, человеку из такого места искать дальше своего посёлка? Дальше только мелкие деревни, в одной из которых мне надо пересесть на другой поезд, чтобы доехать до городка, где жила моя тётушка. Жила. Она скончалась около недели назад, поэтому мой отец отправил меня навестить последнее пристанище своей сестры. Сам он недавно встал на ноги после долгой болезни, поэтому вряд ли бы смог спокойно добраться в такую даль. Пришлось исполнять волю родителя, едва не отправившегося вслед за покойницей.

Так я и оказался в этом купе. Но, похоже, что я очень скоро буду тут не один. И предчувствие меня не обмануло. Дверь отодвинулась, за ней показался тот самый человек, минуту назад вошедший в вагон.

– Вы не против? Я... Я так... Тихо... Вот тихонько, с бочку, вот, пристроюсь... Да, тихо-тихонько так, вот... – то ли прохрипел, то ли прогнусавил мой новый знакомый.

В его возрасте это не удивительно. Багаж его кричал о том, что он сам, его начинка, да и владелец, если не застали, то точно появились на свет около века назад. Плащ переливался

жирными пятнами, придавая коричневато-зелёной ткани нездоровый, насколько это можно сказать про предмет гардероба, вид. Одежания под плащом не отставали от остальных. Рубаха (а рубаха ли?) была несколько темнее плаща, но многолетняя грязь окрасила её в похожие цвета. Что уж говорить о брюках, чьи штанины были заправлены в кирзачи настолько глубоко, что могли бы достать до пальцев гостя из прошлого. Хотя засохшие пятна на его вещах были как раз под стать этому купе, да и вагону тоже. Что уж сказать, я совсем не удивлюсь, если за каждый рейс поезда, на котором я еду, подобных старцев садится и сходит с пару десятков.

Он силился начать разговор, но решимости у него уже не хватало. Раньше он наверняка был отличным собеседником для своих попутчиков, но теперь сам не вымолвит и слова, пока кто-нибудь не начнёт разговор. Я дождался, пока он устроит скромные пожитки на разных местах своего места, и спросил:

– Куда едете, отец?

– А, да я так, детишкам гостинец везу. Детишки-то, вот, в города уехали, а мне, деду, вот, сказали дом беречь. Только летом, вот, навещают, и всё, вот. А тут, вот, заработал чуток, хоть вот съезжу, детишкам гостинец устрою.

– И много?

– Кого, сынок?

– Детей у тебя.

– А, это, вот оно что. Ну, вот, значит, вот, есть у меня, вот, сын. Женился, вот, уже, вот. Вроде, вот, сам сына растит, маленького такого, вот. Жена хорошая, вот, дом себе, вот, ладный в городе справил, вот. Теперь, вот, потчует чаем, вот, как добираюсь до него, вот. А, вот, есть ещё, вот, дочь у меня, вот. Умная была, вот. А теперь, вот, в стуты, каких их там, ституты, вот, учиться укатила, вот. Письма, вот, пишет, а я, вот, грамоту никак не пойму, вот...

...

Да, разговорчивый попался попутчик. Битых три часа он мне расписывал свой дом, детей, имя своё. Здесь хоть что-то

интересное промелькнуло в его долгой и косной речи, которая прерывалась только моими редкими вопросами и походом в вагон-ресторан (хорошо, что следом не увязался). Зовут его Энто. Необычно. Но это не его настоящее имя, а что-то вроде прозвища. В молодости он бежал от войны, но из-за того, что обоз, с которым он ехал на север страны, попал под артобстрел с двух сторон, его контузило взрывом. В итоге, всю память напрочь отшибло. Только и мог говорить одно слово – «энто», сопровождая его указанием на то, чего он хотел на тот момент. Позже речь к нему вернулась, но только не память. Так и прозвали его по тому слову – Энто. Сам он не возражал. Потом он вылечился, остался жить в посёлке недалеко от госпиталя, где таких, как он, приводили в чувство, женился, но вспомнить, как его звали, не пытался. А напомнить было некому, ведь его отправили жить в деревню рядом с госпиталем, где его никто не знал, а дороги домой он не помнил. Трудно было поверить, что его никто не искал, ведь в родной деревне его наверняка кто-то ждал, верил, что он вернётся с севера. Разве могло ему так сильно отбить память? Но врать он вряд ли мог, в его годы складную ложь не сплести, да с его-то языком.

Постепенно ночь начала брать верх над днём, окуная мир в подслеповатые сумерки. Старик, поддавшись дрёме, тихо посапывал на незастеленной койке. Ритмичные покачивания поезда убаюкали его, но меня усыпить не могли уже много лет. Звёзды мелькали за окном купе, неясные тени разных деревьев, строений, обломков будто выходили посмотреть на ползущую вдаль гусеницу из стали, которой до них не было никакого дела. Тем временем в поезде уже отключили свет. В распоряжении пассажиров оставались лишь настенные лампы. Но мне подобная лампа ни к чему, всё равно смотреть не на что. Может быть, люди просто прикидываются частью цивилизации, использующей электрический свет для занятий чем-либо? Возможно, мы просто огромные и бескрылые мотыльки, смотрящие на крохотное солнце сквозь сползшие очки. Нет, тогда можно Кафку в биографы Эдисону записать, а это ни в

какие рамки моего сознания не войдёт. Лучше про лампу совсем не думать, я ведь её даже включать не собирался.

А стоило бы.

Откуда-то с койки Энто раздался звук хрустящих костей. Как будто человек, сидевший сто лет в одной позе, встал и потянулся всем телом. Как будто ствол дерева, подпиленный топором, накренился и приготовился грянуть о землю всей своей массой. Тень старика отчётливо выделялась даже в полной темноте. Он начал рыться в сумке, пытаясь извлечь наружу что-то тяжёлое. Правда, зачем ему тягать тяжести по ночам? Действительно, он уже достал что-то из сумки и повернулся ко мне.

Зачем?

Он долго и внимательно смотрит, не меняя позы.

Зачем?

Ему нужно знать, что я сплю?

Зачем?

Прошли десять минут. Он всё ещё стоит.

Зачем?

Я лежу и не шевелюсь.

Почему?

Он подошёл вплотную к моей койке.

Зачем?

Я не двигаюсь. Я будто парализован.

Почему?

Предмет в руке старика очень знакомо блестит.

Почему?

– Ты, вот, пойми, сынок. Мне, вот, гостинцев, вот, детям надо вести, – медленно прошептал дед.

Зачем?

В меня вонзается нож.

Почему?

Я вообще ничего не чувствую ниже шеи.

Почему?

Не могу дышать. Последнее, что я ощущаю, – солоноватый привкус во рту.

Почему он убил именно меня?
Почему он убил?
Почему он?
Почему?
Поч...

«СТИХИЙник у Маслова»

Ярушина Т.А. «О практике и пользе проведения открытых микрофонов в общественных местах»

Публика – зеркало выступающего, в каждое мгновение она отражает его настроение. Хотите знать, как у вас идут дела?

Взгляните на публику.

Рон Хофф

Кто-то, думая о публичном выступлении, испытывает эмоциональный подъём, а кто-то, допустив мысль об этом, начинает волноваться и потирать вспотевшие руки. Объяснений этому можно найти много, но факт, что публичные выступления нужны, является бесспорным.

Если задуматься, то чаще всего в кафе, на набережной, в галереях можно услышать молодых музыкантов, которые исполняют каверы, реже – авторские песни. На выступления собирается больше зрителей, чем на поэтические вечера. В чём причина? Неужели литературные площадки слабее по содержательности и эмоциональности, чем музыкальные?

Дело, разумеется, не в этом. Не секрет, что хороший вокал, обрамлённый соответствующей музыкой, – это залог успеха. Такое творчество воспринимается проще, откликается в человеке быстрее и заставляет абстрагироваться от проблем. Позволю себе заметить и тот факт, что далеко не все слушатели обращают внимание на текст композиции, им достаточно оценки «меня качает», «не, ну зажигательно» или «ага, мелодичненько». А вот удержать внимание только текстом – куда сложнее. Да и лица, предоставляющие площадки для выступлений, со скепсисом относятся к просьбам поэтов о выступлении: «А аудитория точно наберется?».

Вот и получается, что поэтам сложнее искать пути популяризации своего творчества. Социальные сети – это, конечно, хорошо, но нужно выступать и перед реальной

публикой, видеть ее реакцию. Особое спасибо библиотекам, двери которых всегда открыты для поэтической братии.

Стены лечат, но и калечат, сдерживают поэтический дух, рвущийся на волю, за пределы зданий, в гущу событий города. Что лучше выступлений на свежем воздухе, когда позволяет погода?

Поэтому «СТИХИЙники» у памятника О.К. Маслову в городском парке Благовещенска являются той творческой площадкой, где можно показать себя, поделиться своими произведениями и отточить ораторское мастерство. Оттого организация открытого микрофона, где каждый желающий может прочитать стихотворения, является отличной идеей.

С какими трудностями могут столкнуться чтецы, выступая в рамках данного формата? В первую очередь, внутренний барьер. Когда поэт выходит представлять своё произведения «на суд» аудитории, он испытывает волнение и боится осуждения со стороны: «Хорошо ли я смотрюсь?», «Понятны ли мои тексты?», «Нравится ли публике то, что я делаю?». Так бывает первые несколько раз, пока не приходит осознание, что твои стихи откликаются в людях, ведь кто-то из них приходит в парк только ради тебя. Волнение – это нормально до тех пор, пока совершаются попытки его побороть. Но если ему дали право овладеть чтецом, то всё пропало.

Во-вторых, недостаточное количество зрителей. Не секрет, что есть поэты с завышенными требованиями. Признанные парой друзей и отмеченные в нескольких пабликах со своими стихами, они пребывают в уверенности, что если и выступать, то не при десяти зрителях, а, как минимум, перед сотней. Плюс ко всему дерзкая подача текстов может отпугнуть публику, настроенную на восприятие живой и искренней лирики.

Площадку для выступлений на улице найти несложно. Куда сложнее обеспечить её техническим оснащением – микрофоны и колонки. В идеале можно выиграть грант и закупить всё разом. Потому молодым авторам в условиях отсутствия техники приходится «ставить» свой голос, пытаться привлечь внимание жестикуляцией, учиться общаться со

зрителями. Отличный урок, возможность поработать над собой. Лучший комплимент автору во время выступления в парке – это остановившиеся люди, которые гуляют в окрестностях и, заинтересовавшись, идут взглянуть и послушать выступающего.

«СТИХИЙники» дают массу возможностей. Они не только сближают молодых поэтов, но и позволяют учиться друг у друга, привлечь читательскую аудиторию, проявить себя и продемонстрировать артистизм. Ко всему прочему, открытый микрофон дает шанс познакомить окружающих с талантливой молодёжью, открыть горожанам новые лица и произведения.

Мне не раз случалось выступать на «СТИХИЙниках» самой, быть в числе организаторов открытого микрофона. Могу заявить, что молодым авторам нравятся подобные выступления, им хочется развиваться, популяризировать своё творчество. А желающих выступать на открытой площадке больше, чем тех, кому ближе крытые помещения.

Да и если посудить, какое поэтическое мероприятие может по праву называться «СТИХИЙником», если оно не проходит во взаимодействии со СТИХИей и на котором не звучат СТИХИ?

Майская поэтическая встреча в рамках VII Международного общественного писательско-издательского форума «Столичные издания XXI века: Краеведение – Личность – Город» ознаменовалась дождем. Резкие порывы ветра и начавшийся ливень заставили поэтов и чтецов бежать в молодёжную библиотеку им. А.П. Чехова, прихватив с собой стулья и аппаратуру. Я думаю, что в этот момент незнакомые до этого момента люди, собравшиеся на «СТИХИЙник», невольно породнились, поэтому что действовали быстро, дружно и слаженно.

Когда незнающие люди упрямо твердят о том, что хороших молодых поэтов нет, а если и где-то есть, то они непубличные, я негодую. Такое мнение, разумеется, ошибочно хотя бы потому, что существование Молодежного Амурского Литературного Объединения говорит о том, что поэты и прозаики есть, они пишут, работают над собой и своим творчеством, учатся новому и активно продвигают

региональную литературу, обмениваются опытом с другими регионами и даже странами.

Будущее у амурской литературы есть, и будущее это весьма перспективное.

Ирина Табакова

@id173564808

ФАКТЫ

Заместитель директора Муниципальной информационной библиотечной системы по библиотечному делу.

Доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

ЦИТАТА

«И вообще редкий филолог не пробовал создавать поэзию или прозу».

* * *

Это лето – иллюзия сна.
То мне камни мешают, то ветки.
И на крыльях какие-то метки.
И изорвана в клочья душа.
До чего я была хороша!
Но шаману нужны мои перья,
Моя кровь для какого-то зелья.
Я закрыла свои глаза.
Потемневшие небеса
Опускались тогда всё ниже,
Голоса звучали всё ближе,
Звёзды падали на песок.
Я тебя поцелую в висок
И уйду, миновав рассветы...
Это лето – иллюзия сна,
Или просто дым сигареты...

* * *

Прислушайся к дыханию миров.
Задумайся. Ты тоже это знаешь?
Что больше ничего не выбираешь,
Пока плывешь вдоль этих берегов...

Остановиться?

И упасть в песок

Сухим зерном, и ждать других восходов,
Других людей приходов и уходов,
И вечно путать устье и исток...

Иль дальше плыть?..

Дыхание реки

Тревожит кровь и стелется туманом,
Но... если вся река была обманом
В чернилах неродившейся строки?

* * *

Отыщи меня в палой гнилой листве,
В мёрзлом хрусте земли под ногами
И в стихах Джона Китса...
Я знаю, откуда растут фиалки:
По ночам среди серых камней,
Пробиваясь сквозь зиму и осень
Из усталых чьих-то ладоней
В тишину опустелого парка,
Это правда – придёт весна...

* * *

Не чувствую тепла твоей руки...
На ложе трупа холодно и горько.
Унылый свет крадётся к изголовью.
Он сер, как этот жуткий балдахин,
Покрытый пылью. Но твои черты
Ещё не тронул тлен. Твоя улыбка...
И лишь глаза закрыты. Никогда...
О, nevermore...

* * *

Возьми меня на небо... Там река
И белых облаков слепые рыбы,
Плывущие к тебе издалека,
Как вечных снов немислимые глыбы.
 За право пить тепло твоей руки
 Я всё приму. Такая это малость.
 На дне реки останется усталость.
 На дне реки, на дне твоей руки...
Идут дожди который день и час.
Теряю счет посланиям оттуда,
Где я когда-то непременно буду.
Конечно, буду. Только не сейчас...

* * *

Я осыпаюсь, как стая замёрзших ворон
в сквере январским утром.
Я рассыпаюсь,
как сны в половине восьмого утра.
Я так устала. И кажется странным,
что воскресенье
было с утра.
В мягкость дивана
я провалюсь, словно в нишу,
из которой зовёт пустота...

Яна Круглая

@tvoya__poetessa

ФАКТЫ

Работает в Муниципальной информационной библиотечной системе Благовещенска.
Является активным организатором и ведущим различных спортивных и культурных событий.

* * *

Людей встречают по одежке,
По новой сумке, сапогам,
На брюках с блёстками застёжке
И по накаченным губам.
Акценты делают на бренды:
Армани, Гуччи – всё равно!
На карты gold и псевдотренды,
Из салона новые авто.
С охотой смотрят в капиталы,
Какой модели телефон...
Высокомерия немало.
Дешёвый пафос – эталон!
Любовь и честность параллельны,
Когда жеманность сильно бьёт!
Забота, чуткость не удельны,
А доброта совсем не в счёт.
Влекутся только серпантином,
Забыв о тонкости души.
Обёртка делает красивым,
Но только стоит вот... гроши.

Папе

С папой моим гуляем
(мне ещё мало лет).
Едим эскимо, играем,
Вместе храним секрет.
 Смотрим фейерверк красивый,
 Хочется нам мечтать!
 Папа такой счастливый,
 Мне уже где-то пять.
Школа, букварь, заботы...
Дочка опять растёт.
Цифры, письмо и ноты
Папа со мной пройдёт.
 Вот я «от рук отбилась»,
 Тройки и двойки вслед.
 – Папа, я провинилась...
 (возраст двенадцать лет).
– Яна, не красься сильно!
(Папа сказал не раз).
В шестнадцать была я «стильной»,
Не слышала этих фраз.
 Стала почти что взрослой.
 Мне восемнадцать лет.
 Папе со сцены звёздной
 Я посвящу куплет!
Время оно такое –
Мне уже двадцать два
Но папа моим героем
Останется навсегда!

* * *

Лето нужно пить медленно,
Словно бокал вина.
Наполнить его моментами,
От самых краёв до дна.

На звёзды смотреть вечные.
Новый поймать вираж;
С близкими тёплым вечером
Прочувствовать весь купаж.
Букет раскрывать песнями,
Прогулками и луной...
Секретами ночью честными,
Танцами, где прибор.
Лето нужно пить медленно.
Быть опьянённым чуть.
Наполнить его моментами,
И заново жизнь вдохнуть!

* * *

Мой особенный человек,
Я прошу, обними покрепче,
Когда с нами случится встреча.
Будет день за окном иль вечер.
Будет дождь идти или снег.
Я налью тебе вкусный чай.
Руку дам, чтоб мы стали ближе.
Давай звёзды считать на крыше?
К ночи в городе станет тише...
Улетучится вся печаль.
И себя я опять поймаю,
Когда голос твой буду слушать.
Ты попал ко мне прямо в душу,
Прямо в сердце,
где очень нужен.

* * *

Я рисую тебя мелками
На асфальте в родном дворе.
И дразню иногда словами

Оттого, что ты дорог мне.
 Ставлю кляксы в твоей тетради,
 Обижаюсь по ерунде,
 Могу прыгнуть на спину сзади
 Оттого, что ты дорог мне.
Твоё имя пишу в подъезде,
Возле лестницы на стене.
Жду частенько в секретном месте
Оттого, что ты дорог мне.
 Посвящаю стихи наивно,
 Вечерами звоню тебе,
 Обнимаю при встрече сильно!
 Оттого, что ты дорог мне.
Вкусный кофе несю к постели
И улыбку ловлю в окне.
Строю планы с тобой и цели
Оттого, что ты дорог мне.
 Наши дети на нас похожи,
 Много радости в каждом дне.
 И всё так же, любовь до дрожи
 Оттого, что ты дорог мне.
Постарели. Уже есть внуки.
Наши волосы в седине...
А я крепко держу за руки
Оттого, что ты дорог мне.

Алекс Катич

@ereticaus

ФАКТЫ

Родом из Тынды.
Переехала в Благовещенск ещё в детстве.
Начала публиковаться в 17 лет.
В планах – совмещать работу врача и поэта.

Горн печалей

Здравствуй, золотой мой рог.
Вновь я здесь, у твоих ног,
Плачусь уж в который раз,
Будто я еще не гас,
Как лампадка на ветру,
Как надежда по утру.
Тихой грусти желтый лик,
Видишь вновь, как я поник,
И спускаешь мягкий свет
Утешеньем мне в ответ,
Словно слышишь мой рассказ
И жалеешь в этот час.
Я дивлюсь тебе опять
И смотрю на неба гладь:
Горн печалей – месяц мой –
Светел кротостью немой,
Как и я в любую ночь,
Если жить опять невмочь.
Серп мой нежный, юный серп,
Скорби ты злачённый герб,
А твоя земная тень
Меж людей проводит день.
Узнаешь ли ты меня?
Это я, светило. Я.

Диалог с Дьяволом

В комнату врывается послушник. Он взбудоражен.

– Я не боюсь тебя, лукавый!
Взгляни в глаза мои скорей!
Твои проделки, Боже правый,
Мне не страшны, *гнедой* злодей!
Пускай в мои глаза изъяны,
Страстей мне адских покажи!
Не искушусь я, хоть мне раны,
Мой Бог спасет меня – дрожи!

Появляется Дьявол в хорошем расположении духа.

– Меня ты звал, юнец-послушник?
Я тут, я здесь. Чего тебе?
Учти, юнец, я не прислужник:
Душа твоя, и нет мольбе.
– Ах вот ты, Дьявол-искуситель!
Вся грязь земли и неба тут!
Раз ты зашёл в мою обитель:
Не страшен ты! Страшнее Суд!
– Конечно, нет. Ты прав, мальчишка, –
Меня бояться не резон.
Каков мне смысл сражаться с мышкой?
Её душа ценна. Что в том?

Послушник гневно смотрит на Дьявола.

– Ах вот, зачем тебе был нужен!
Хотел увидеть сатану?
Ищи зеркал! А я разбужен
Был просто так опять. Да ну!

*Дьявол исчезает. Послушник смотрится в зеркало и падает
замертво: его отражение – это рогатый чёрт.*

Вечная ночь

Мягкой полночью в эфире
Тёплых августа ветров
Сердце бьётся тише, шире,

Под Луной найдя свой кров.
Глядя в звёзд рукав молочный,
Спросит сердце у тиши,
Скоро ль путь тропы безночной
Сердце друга завершит,
Скоро ль долгими шагами
Забредёт в глухую ночь
Милый стук, кого годами
Сердцу ждать уже невмочь?
Вечность, ветер ночь ласкает
И висит во тьме Луна,
Вечность сердце вопрошает
Неустанно и без сна.

Железное сердце

На обоях цветочною сыпью
Рябь узора бежит к потолку.
Не увидев её, снова выпью,
Снова тихо себе я солгу.
Упаду в свой цветочный делирий,
В вату муторных снов погружусь –
Что угодно, хоть в сто адских Сирий –
Лишь бы прочь отогнать эту гнусь.
Пусть на сердце глухою тоскою
Что-то стонет, покой не познав,
Я не стану страдать – не завою,
Даже если мой дьявол стоглав.

ФАКТЫ

Катерина Тернистая

Закончила Амурский педагогический колледж.
Сейчас – студентка I курса Историко-филологического факультета БГПУ.

ЦИТАТА

«Литературное творчество заменило мне воздух. Когда? Не знаю. Просто в один замечательный момент детская игра с текстами превратилась в острую зависимость. И для меня теперь это вроде образа жизни».

Лунный марш

Цветы всё рвутся к свету!
Так тянутся листки,
И будто ночью где-то
Блуждают огоньки.
Но ни один смельчак их
Не сможет изловить:
Ловушками, сетями
Огни не заточить.
Они идут по лесу,
Кружатся у реки –
То души ищут место,
Где коротали дни.
Где рассыпалась дичка,
Где ландыши поют:
С той песней необычной
Цветы к луне идут!

Quo vadis?

Куда ты идёшь?
В никуда иль куда-то?
Пусть истина будет
Тяжёлой наградой,
Какую найдёшь.
И путь твой окажется труден.
 Пускай чёрный ветер
 Под мраморной кожей,
 Под пыльной ступнёй –
 Опрокинут и сброшен.
 Кого бы ни встретил
 В скитаниях ночью иль днём.

Узлом зажимается
В сумраке сердце
И ум воспалён:
«Никуда мне не деться!».
Едва колыхается
Солнце в сплетении дум.
 Куда ты стремишься?
 Ответы распроданы,
 Как воз пирожков
 На сумрачном холоде.
 Скажи ж, а не лишне,
 С тобой окажись тот улов?

Сгребать по земле
Чьи-то мысли рублёвые,
Не видя зарицу,
Лучом окрылённую,
Чья свежесть вкусней,
Чем вода, только ей не напиться!
 Что скажешь теперь?
 От идеи отступишься
 Или в надежде
 На добрую будущность
 Стянешь зло в канитель
 И утонешь в свинцовой одежде?

* * *

Погода, кто тебя включает в небе?
Какой сантехник чинит механизм
Дождей и гроз, и молний смертно-белых?
Печальный небосвод придумал гений!
Для тех, кто болен грустью и разбит,
Для тех, в душе кого блуждают тени,
В ком меланхолик неизменно спит...
Застыло небо в горестном мгновении –
И мы остановились вместе с ним.

Железо и мысли

«Сколько в мыслях *грамм* железа?» –
У кого узнать ответ?
Я брожу по белу свету:
Ни одной подсказки нет!
Если б встретился мне мастер
Благородных рудных дел,
Иль кузнец какой, – прекрасным
Показался б целый день!
Всё бы осветилось счастьем,
Отыскался бы рецепт:
«Ни-на-что-не-отвлекайся».
В любом деле бы – успех!
Только бы найти железо
В непростом составе «Мысль»,
Всё бы сделалось чудесно:
Взял магнит – и собрались!
Но теория, к несчастью,
К подтверждениям глуха.
Значит, время понапрасну
Будем тратить, господа!

Розы

Скажи, старый месяц,
Зачем поразвесил
Строитель на трауре звёзды?
И кто с утра до ночи
Потчевал розы?
(Капризны цветастые очень!)
 Неужто тот мальчик?
 То в смехе, то в плаче
 Сбежал с постаревших страниц:
 Он вспомнил о розе!..
 А с муаровых спиц
 Извечная тянется «восемь».

У старых сказительниц
Дел занимательных
Больше, чем звёзд наверху.
Больше, чем роз,
Населяющих всю
Планету! Им не до вопросов.
 Так, был ли ты здесь:
 Не узнать, не прочесть.
 Но розы здесь будто счастливей,
 Как будто их любит
 И кто-то поныне
 Взжигает им звёздные дюны.

* * *

Фонари зажигаются в полночь,
Полночь томна, легка и бела.
Сизой плиткой сбегает к дорогам.
Треугольников серая мгла.
 И никто ей не скажет спасибо,
 И никто ей не скажет прощай.
 Спит фонарная спичка, гасима
 Вздохом ветра, скрывая печаль.

Никита Мальцев

@ nekkek228

ФАКТЫ

Впервые попал в «НЕОнлайн» в №4(13).
Активный участник различных молодёжных мероприятий и открытых микрофонов.

Городу

Мне б сжать в объятых город,
Где я прожил много лет.
Ни туман, ни даже холод
И ни снег, как будто плед,
Не обнимут, не укроют,
Не укутают, как я;
Даже дождь уже не смоем
Пепел доброго огня
Всей любви моей горячей,
И все слёзы моих чувств.
Этот город много значит,
Даже если будет пуст.

* * *

Только души над могилой
И седые облака,
И какой-то божьей силой
Растянулась вдаль река.
Горизонт открытым небом
Освещает весь пейзаж.
Крошки снега, будто мелом,
Щедры падают на нас.

КНИГИ НА I «ВОЛКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ»

Татьяна Ярушина

@tatyancherneckina

ФАКТЫ

Пишет стихи, басни, в последнее время пробует себя в прозе.

Летом 2022 года стала участником Сибирской литературной резиденции АСПИ I заезда.

Руководитель секции поэзии #МАЛО_БЛГ.

На «Волковских чтениях» презентовала свой новый сборник «Вдох-Выдох».

Август с запахом собачьей шерсти, или «Прости, Рекс»

Очертание собачьей морды, состоявшее из чаинок и кашеобразной пены, медленно расползлось по глади мутной воды и оседало на дне старого чёрного котелка. Пахло травами и помоями. Бабка стояла поодаль от меня и держала в руках застиранное, некогда белое махровое полотенце.

– Что видишь? – хриплым голосом спросила старуха.

– С...со...собаку, – неуверенно ответила я.

Бабка подошла к котелку и длинной деревянной ложкой помешала воду в чаше. Собачий профиль окончательно исчез.

– Теперь бояться не будешь... – скрипуче произнесла старуха и оскалила в улыбке мелкие коричневые зубы, вернее, то, что от них осталось. Она приблизилась ко мне, обмотала мою голову полотенцем и приказала:

– Держи так!

Ноги дрожали, ладони потели, лицо пылало огнём.

Но сильнее всего ныли так долго заживающие шрамы на голове и шее. Мама, о чём-то задумавшись, стояла у окна и, сцепив руки в замок, перебирала пальцами. Так она делала каждый раз, когда волновалась.

Взглянув на неё, я встревожилась еще сильнее. Прошло пять минут, а казалось, что вечность.

Бабка, низенькая и худенькая, аккуратно сняла с моей головы полотенце и, заглянув в лицо своими подслеповатыми карими глазами, произнесла:

– Дальше сама...

Я не совсем поняла, о чём она говорила, только мама уже подошла ко мне, взяла влажную трясущуюся руку и повела к выходу. К тяжело открывающейся деревянной двери, ведущей во двор.

– С-спасибо... – пискнула я, подавив внезапно появившийся рвотный рефлекс.

Бабка молча последовала за нами. Около калитки она резко остановилась. Её длинная вафельная тёмно-синяя юбка едва касалась земли, серая шерстяная кофта на пуговицах вся была в затыжках от кошачьих когтей, а из-под повязанной назад чёрной косынки выбивалась тонкая прядь седых волос. Лицо старухи было тёмным, морщинистым и напоминало картину Дали. Щёки и веки провисали и будто стекали с её лица, как часы на картине художника.

Этот образ врезался в память. В её постоянство.

Мама проводила меня до машины, где всё это время нас ждал папа, и, захлопнув за мной дверь, вернулась к бабке, которая по-прежнему стояла у калитки. Я наблюдала за происходящим в окно заднего вида. Бабка что-то сдержанно объясняла маме, иногда поглядывая на наш москвич.

Спустя пять минут заметно успокоившаяся мама вернулась, села рядом со мной на заднее сидение, и мы поехали на другой конец села – домой. Машина удалялась, а бабка, такая крошечная, стояла у калитки и смотрела нам вслед...

Так вышло, что август этого года для меня пропах кровью и собачьей шерстью.

Вечером, около девяти часов, когда солнце уже скрылось из виду, а на небе проклюнулись еле заметные звёзды, я, одетая

в новую красную ветровку, слонялась по двору, поджидая папу и младшего брата, которые должны были с минуты на минуту вернуться домой. Мама, как часто это бывало, суетилась в летней кухне у плиты и варила макароны. В сковороде тушилась свинина. На фоне работал телевизор. Тонкие полоски лент-ловушек для мух свисали с потолка и медленно покачивались от сквозняка.

Пахло мясом и помидорами.

Я прогуливалась по двору, прислушиваясь к звукам проезжающих мимо машин. Несколько раз мама звала меня на кухню, но я отнекивалась, так как хотела быстрее дождаться папу и открыть ворота во двор, чтобы он поставил машину в гараж, который с кухней разделяла лишь синяя деревянная дверь.

Собаки, которых во дворе у нас было три, мирно спали.

Наконец-то за двором раздался приближающийся знакомый звук от колес, давящих гравий, щели деревянного забора осветились фарами нашей машины.

– Мам, приехали! – просунув голову в дверь кухни, крикнула я.

– Хорошо, пускай ставят машину и идут ужинать. Я уже сливаю рожки, – отозвалась она.

– Ага, – ответила я и побежала в сторону гаража.

Собаки во дворе загремели цепями. У сараев зарычал Дружок. У летней кухни завозилась Кукла. Рекс, будка которого находилась близ гаража, монотонно залалял.

Рекс появился у нас совсем недавно. Отдал нам его папин коллега, который в связи со скорым переездом не мог оставить молодого пса на произвол судьбы. Наш же Тишка месяц назад издох. Поэтому было принято решение взять крупную годовалую помесь лайки и дворняги к нам для охраны двора. Тем более, что остальные наши шерстяные сторожа были ростом по колено.

Я сторонилась Рекса не только потому, что он был новым членом семьи, но и потому что в глазах его читалась «дурь». Так я это называла. Иногда, играя со мной и дружелюбно виляя хвостом, он мог на миг замереть и зарычать. Порой он просто не давал прохода, подпрыгивая и щелкая пастью. Родители знали о моей любви к четвероногим и много раз просили быть осторожнее с собаками: и со своими, и с чужими.

Оббежав кухню и перескочив невысокий заборчик, который огораживал мамины клумбы с розами, я пробралась мимо будки притихшего, а значит узнавшего, как мне казалось, своих, Рекса и приблизилась к воротам. Чтобы их открыть, нужно было из пазов вытащить небольшую дощечку. Только взявшись за нее, я ощутила рядом присутствие собаки.

– Рекс, Рекс, – повторила я ласковым голосом. – А ну-ка, иди в будку.

Внезапно с еле слышным рычанием пёс подскочил и вцепился зубами в мою ветровку.

– Мне не до игр, Рекс!

Не успела я понять, что произошло, как почувствовала, что уже лежу на земле. Собака фыркает, её цепь гремит, фары светят сквозь щели забора, двигатель машины не прекращает монотонно гудеть.

Помню лишь тепло, которое медленно распространяется по телу, обездвиживает, парализует. Инстинктивно пытаюсь вырваться, но собака давит на меня лапами и не отпускает.

Когда я поняла, что странное тепло – это кровь, из меня вырвался неестественно животный крик. А потом слово, с которым люди рождаются и умирают. Слово «мама»!

Запах мокрой шерсти, зловонное дыхание из собачьей пасти и вонзившиеся в мою шею зубы – это то, что преследовало меня спустя долгие годы, виделось во снах, было частью меня. Но тогда, лежа возле ворот и крича от ужаса, я звала маму. Не папу, приезда которого ждала. А маму.

Всё плыло. Тусклые звёзды равнодушно смотрели на меня свысока. Они оглохли, чтобы не слышать моих криков. Они ослепли, чтобы не видеть моих слез.

МАМА!

Она одним рывком вытащила меня из собачьих зубов. Одним резким движением вернула в чувство. Она не услышала крик – она почувствовала мою боль.

Я не плакала, когда мне промывали раны. Не плакала, когда вода в железном тазу окрасилась в алый. Мама, папа и соседка, которая жила через три дома от нас, носились около меня, суетились, разговаривали со мной и просили не молчать в ответ. А я стояла, не смея закрыть глаза, и смотрела на кровавую воду. Не видя своего отражения.

Приехала скорая. Меня прооперировали в эту же ночь. Шрам на шее под правым ухом.

Шрам на голове чуть ниже затылка. Шрам на сердце.

Спустя пару недель, солнечным августовским днем, шестилетняя я с перевязанной шеей и белым платком на голове, стояла во дворе и смотрела на Рекса. Один вопрос не давал мне покоя: «Почему?». Я не могла объяснить себе поведение собаки. Мама говорила, что Рекс меня просто не узнал в новой куртке. Но ведь у собак есть обоняние? Как можно было не узнать своего человека? Мне хотелось подойти к нему ближе. Но каждый раз, когда я делала шаг вперед и проматывала в голове страшные события того дня, не могла оправдать Рекса, не могла прикоснуться к нему.

Мне уже было не больно. Только обидно.

Рекс лежал у будки и исподлобья своими красными глазами смотрел на меня. Я же хотела увидеть в этих собачьих глазах раскаяние, но видела лишь пустоту.

Сегодня Рекса должны были застрелить.

Родители приняли это решение сразу. Ведь однажды напавший – нападет снова. Это касается собак. Это касается людей.

Глядя на Рекса за несколько часов до его смерти, я пыталась обвинить в случившемся себя и свою неосторожность. Но каждый раз понимала, что вина делится пополам.

– Прости, – прошептала я, но пёс даже не посмотрел в мою сторону. В последние дни он плохо ел, много спал. Раскаивался ли он? Понимал ли, что сделал? Этого узнать было не дано.

Забывается всё: и плохое, и хорошее. Но забыть запах шерсти и собственной крови – сложно. Как бы ни была жестока память, но события, изменившие нас, навсегда останутся с нами. Со временем о них будут напоминать люди, вещи, шрамы. Последние имеют свойство затягиваться.

Но стоит лишь провести по ним пальцем, как тепло разливается по телу и чьи-то зубы впиваются в шею.

И только «МАМА!», только «МАМА!» раздается из-под ворот.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В рамках проведения I Этноконференции «Волковские чтения» МБУК «Муниципальная информационная библиотечная система» г. Благовещенск в апреле дала старт конкурсу, посвящённому первому поэту города, Леониду Петровичу Волкову. От участников требовалось или прочитать какое-либо произведение амурского поэта, или создать рисунок на его стихи, или представить исследовательский проект.

Защита исследовательских проектов состоялась 18 мая 2022 года в библиотеке им. Б. Машука. Участие приняло больше десятка молодых филологов и литературоведов, которые рассказали о жизни и творчестве большого количества прозаиков и поэтов, когда-либо проживавших на территории Приамурья. Все присутствующие могли послушать исследования по творчеству В. Алюшина, Л. Волкова, Л. Завальнюка, В. Лецика, В. Могильникова, Ф. Чудакова и других авторов.

Отдельно хотелось бы отметить создание полноценной идеи литературной игры от учащейся 11 класса общеобразовательной школы и проведение исследования среди сверстников. Как знать, возможно, в ближайшем будущем идея превратится в полноценную игру, которую можно будет рекомендовать к использованию на уроках литературы.

Вообще, от работы участников конкурса исследовательских работ осталось очень позитивное и яркое впечатление. Мы получили большое количество литературоведческого материала. Даже жалеем, что в этом номере «НЕОнлайн» не хватает места для освещения всех исследовательских работ. В данный номер альманаха-газеты включены только три статьи, но мы планируем разместить исследовательские работы в последующих номерах. Надеемся, что публикация поможет всем любителям литературы узнать об авторах что-то новое, а то – и открыть для себя новые книги!

Андрей Коваленко

Дарья Редина

ФАКТЫ

Студентка Историко-филологического факультета БГПУ.

Исследование творчества очерка Фёдора Ивановича Чудакова проводила под руководством Натальи Андреевны Лаптевой

Тематическая группа «Больница» в «больничных очерках» Ф.И. Чудакова «В починке»

Больничные очерки «В починке», написанные Фёдором Ивановичем Чудаковым, вышли в 1913 году в журнале «Эхо». В очерках повествуется о жизни пациентов, находящихся в одной больничной палате.

Для создания больничного колорита Чудаков использует большое количество медицинской лексики, которую можно объединить в одну тематическую группу «Больница».

Данная тематическая группа включает в себя медицинскую лексику из разных областей применения. Так, в очерках встречаются наименования болезней и диагнозов, частей тела и органов человека, описание реакций организма. В связи с этим тематическую группу «Больница» можно разделить на более мелкие подгруппы: «Операция», «Болезни», «Анатомическое строение человека», «Реакции организма», «Наименование пациентов».

Лексическое поле очерков тематически выстраивается вокруг метафорического заглавия «В починке». Лечение от недугов, ампутация конечностей, человеческие боль и страдания представлены автором как механический процесс – отсюда ироничное «починка». В больнице каждый день идёт борьба за жизнь пациентов. Для врачей эта картина обыденна, во многом их действия привычны и доведены до автоматизма, врачи проявляют определённое профессиональное бездушие по отношению к больным. Цель писателя не просто с документальной точностью воспроизвести атмосферу

больничных будней, Чудаков стремится показать человека, достойного безусловного сочувствия, – таким, каков он есть: без чинов и социального статуса, «очищенного», наедине со своим страданием.

Наименование «В починке» настраивает читателя на восприятия произведения, которое он будет читать. Название «В починке» намекает на безрадостную атмосферу происходящих далее событий. Починка ассоциируется с механической работой. Именно такую жизнь, такую обстановку и такую работу описывает Чудаков в своём произведении. Заглавие как бы подготавливает читателя к восприятию произведения.

Неразрывно связана с заглавием тематическая подгруппа «Операция». В эту подгруппу входят лексические единицы, связанные с процессом «починки людей». Ф.И. Чудаков на страницах очерка неоднократно обращается к самой номинации: «<...> три вершка больного мяса – всё, что осталось от правой ноги после операции»¹; «Изо дня в день идёт так: когда у взрослых иссякают темы, когда переговорено обо всех подробностях операций...» [УП, с. 147]; «На подвижном столике возят больных, которым сегодня предстоит операция» [УП, с. 148]; «Операции кончены» [УП, с. 149]; «Каждый год – операция» [УП, с. 150]; «Каждую операцию он описывает подробно: кто резал, как резал, сколько мяса отрезали, как он кричал...» [УП, с. 151].

Лексическая единица *операция* встречается и в заглавии второго очерка «Тысяча и одна операция» [УП, с. 149]. Чудаков в данном наименовании неслучайно обращается к аллюзии. Он сопоставляет своё произведение со средневековым произведением «Тысяча и одна ночь». Каждую ночь главный герой Шахрияр встречается с новой девушкой, которую наутро приказывает казнить. Но в его жизни появляется Шахерезада.

¹ Здесь и далее цит. по книге: Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. М., 2019. Т. 2: Убитая песня. С. 146. Далее номер страницы этого издания указывается в квадратных скобках после букв УП, обозначающих название второго тома.

Она привлекла внимание Шахрияра, рассказывая ему лишь части историй. Царю было интересно узнать продолжение историй, и он так и не смог казнить Шахерезаду. Он не только не убил девушку, он искренне полюбил её. Подобно Шахрияру Трифонов каждый день переживает, каждый день сталкивается с новой операцией, которая не помогает ему. Но в сердце героя очерка живёт мечта: встретить ту самую, единственную «Шахерезаду» – свою операцию, которая остановит мучения Трифонова раз и навсегда.

В заглавии Чудаков не только использует аллюзию, но и гиперболизирует образ операции. Всё, чем живёт Трифонов последние восемь лет, – это операции, их было множество, однако их конца не видно.

Автор неслучайно так часто обращается к слову *операция*. Эта лексическая единица свидетельствует о тяжёлой и неизбежной процедуре, которая способна не только улучшить состояние пациентов, но даже спасти их жизнь.

Для того чтобы подчеркнуть непростую, гнетущую обстановку больницы, Ф.И. Чудаков использует метафорическое описание операционного процесса. Процесс операции неоднократно на страницах произведения заменяется глаголом *резать* и производными от него: «<...> ноги-то всё пухли, недоуздок-то всё резал мясо-то...» [УП, с. 150], «изрезал весь недоуздок к чёрту»; «За восемь лет десять раз резали. Наконец до того дорезались, что и резать-то уж нечего» [УП, с. 150]; «Особенно помню, как меня военный доктор резал» [УП, с. 151]; «Резать надо» [УП, с. 151]; «Каждый год фунта по два мяса с меня срезают, скоро уж одни усы останутся» [УП, с. 150]; «Нет, говорит, надо резать» [УП, с. 150]; «Ладно, говорю, режьте, сделайте себе такое удовольствие» [УП, с. 150]; «Разрезал он ногу, да шприцем!» [УП, с. 150]; «Каждую операцию он описывает подробно: кто резал, как резал, сколько мяса отрезали, как он кричал...». В контексте очерка глагол обретает особую эмоциональную окрашенность – свидетельствует о боли и безысходности. Частотность данной языковой единицы говорит об обыденности происходящего процесса.

Писатель называет операцию и просторечной лексемой *чикнуть/чик* – нанести рану или убить (разг.-сниж., просторечное)²: «Налёг на меня да как чикнет» [УП, с. 151]; «Он ещё – чик!» [УП, с. 151] Чудаков намеренно обращается именно к просторечию. Люди, переживающие операцию, уравниваются перед лицом болезни. Чтобы хоть как-нибудь свыкнуться с мыслью о предстоящих или уже прошедших медицинских манипуляциях, возможных потерях, герои стараются не терять положительный настрой – отсюда такое наименование «чикнуть», или ещё более «быстрое» – «чик», и всё забудется, как страшный сон.

К данной тематической подгруппе относятся единицы, описывающие послеоперационное восстановление. Не менее обыденной, чем операция, является для больных перевязка: «Начинается перевязка» [УП, с. 149]; «Перевязка для него – мука» [УП, с. 149]; «После перевязок, во время которых сиделки меняют на койках бельё, подаётся обед, он проходит в молчании» [УП, с. 149]. Это непростой процесс не только для оперируемого, но и для всех, кто находится в палате, – очень тяжело наблюдать страдания других, особенно если страдаешь сам. Все вокруг погружены в атмосферу боли, каждый своей.

Операция – вот, что позволяет жить людям, находящимся в палате. Это самый тяжёлый процесс, происходящий в больнице, но лишь он может продлить жизнь несчастным. Ф.И. Чудаков мастерски рисует обыденность происходящего в операционной за счёт употребления единиц подгруппы «Операция». Часто эти единицы наполняются ироничным звучанием, но это лишь усиливает ощущение боли, испытываемой каждым человеком в стенах городской больницы, и говорит о попытке хоть каким-то образом разрядить тяжёлую обстановку.

Слова подгруппы «Операция» встречаются на протяжении всего произведения. Для обитателей больницы это не просто звук, это жизнь. Частотность использования лексических

² Чикнуть // Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб., 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C&all=x> (дата обращения: 10.05.2022).

единиц, связанных с операционным процессом, свидетельствует об обыденности операций, об их привычности. Но в то же время эта тема является животрепещущей. Каждый пациент знает о тяжести такого «выздоровления». Больные после операционной возвращаются без конечностей, а процесс восстановления очень мучителен. Читатель, воспринимая боль жителей больницы, сочувствует им и не остаётся равнодушным.

Большое внимание писатель уделяет наименованиям пациентов. Эта подгруппа очень разнообразна, что отражает авторскую позицию, он особенно трепетно относится к пациентам, он им сочувствует и сопереживает их боль. Пациенты в очерках именуется «официальным» нейтральным названием *больные*: «Разговор идёт вполголоса, но сон больных очень хрупок: всхрипнув в последний раз, словно разорвав аршин коленкору, просыпается Жерехов» [УП, с. 146]; «Приходит фельдшер и раздаёт всем больным термометры» [УП, с. 147]; «Половина больных уже спит» [УП, с. 152]; «И разве слишком уж дикий вой больного, раздавшийся внезапно, заставит палату затаить дыхание...» [УП, с. 152].

Описывая больницу, как особый замкнутый мир, существующий по своим законам, Чудаков именуется героев очерка *обитателями*: «Если бы не этот семилетний Вася, обитатели палаты умерли бы от скуки» [УП, с. 147]. Это слово в контексте очерка приобретает эмоциональную окрашенность: все, находящиеся в палате, не живут полноценно, они обитают, у них нет выбора, их судьба сейчас находится в чужих руках.

Чудаков единожды называет больных курильщиками, с одной стороны, упрекая их за это, а с другой стороны, подчёркивая, что это для них одно из главных развлечений, которое так необходимо и которое хоть немного напоминает другую, добольничную, жизнь: «Кончается обход, и курильщики снова ковыляют в “клуб”» [УП, с. 148]. С большой долей иронии автор употребляет слово «клуб», намеренно закавычивая его, обыгрывая его многозначность. Клуб – это заведение, в котором люди объединяются по интересам, но также слово «клуб» имеет другое значение: шарообразная

летучая дымчатая масса. Заходя в клуб, курильщики как будто заходят в дым от сигарет.

Единство всех находящихся в палате, важно для осознания общего горя, общей боли. Но при этом каждый больной – это отдельный человек, со своей историей и своим недугом, именно поэтому частотно употребление сочетания *одинадцать больных* – отдельных друг от друга людей, но переживающих вместе друг с другом боль: «Курение в палате строго запрещено, но курят почти все одинадцать больных» [УП, с. 146]; «В палате одинадцать человек, но всё это люди “не полные”, не досчитывающиеся какой-либо части своего тела. Материалу, лежащего сейчас на койках, хватило бы человек на семь» [УП, с. 146]; «Каждый из этих одинадцати человек испытывал всё это сам» [УП, с. 149].

Называя больных «не полными», автор отсылает читателя к названию произведения. Все эти люди находятся в починке, у всех у них не хватает какой-то части тела, но, несмотря на это, герои очерков не теряют силу духа. Они «полны» душой. Они не обращают внимания на свою неполноценность, научились с ней справляться благодаря друг другу и великому стремлению к полноценной жизни.

Называя больных, Ф.И. Чудаков почти не использует форм единственного числа. Этим он подчёркивает мысль, что все пациенты палаты едины, они все вместе преодолевают свои недуги. Обезличенные и объединённые общим положением, испытывающие боль и страх, эти люди достойны сострадания, кем бы они ни были за пределами палаты.

Яркая авторская позиция выражается в наименованиях пациентов. Писатель сопереживает больным, переживая их боль вместе с ними. Он говорит о единстве всех обитателей палаты и об их безысходности. Несмотря на это, автор в наименованиях пациентов выражает их силу духа, силу воли и их стремление к выздоровлению.

Каждый больной находится в больнице не просто так, он борется со своей болезнью, которую Чудаков называет профессиональным медицинским языком: «Опухоль начинается,

господин доктор, – устало говорит Донской» [УП, с. 148]; «Того всё время лихорадит и температура близко к сорока» [УП, с. 151]; «Жерехова бьёт лихорадка» [УП, с.151]; «Всё гнойников искал. У тебя, говорит, гнойники в кости, надо их выпустить» [УП, с. 151].

Некоторые болезни и диагнозы автор не называет напрямую, он говорит о них метафорично, но каждый читатель за этим чувствует боль, испытываемую людьми: «От Трифонова осталось три вершка больного мяса» [УП, с. 148]; «Чебаков подымает белую больничную рубаху и обнажает большую заплату на правой стороне живота» [УП, с. 148]. Используются и прямые наименования: «У него больна рука, всё же прочее пока в целости» [УП, с. 146]. «Огрызается Вася, маленький хохлёнок, сидящий с поджатой к подбородку больной ногой» [УП, с. 147].

Одна из самых объёмных тематических подгрупп – «Анатомическое строение человека». К этой подгруппе относятся лексические единицы, раскрывающие строение организма человека. Текст «Больничных очерков» включает обширный перечень составляющих человеческого тела.

Такие лексемы частотны и в авторском повествовании, и в репликах самих героев. В первом очерке цикла «День в большой палате» употреблено эмоционально окрашенное слово: «кряхтя, перекладывает повыше на соломенную подушку свою “культяпку”» [УП, с. 146]. Культяпка – (прост.) это часть конечности, оставшаяся после ампутации³. В очерке «Тысяча и одна операция» встречаем просторечные формы: «Тута, должно, кровя-то в нём и испортились» [УП, с. 150]; «С самого рождения кровя у меня были уж тронуты» [УП, с. 150]; «Затащить-то заташил, а какая-то нерва в спине и лопни» [УП, с. 150]. Сами герои дают немедицинскую характеристику своему состоянию: «И так, и сяк – в боку ломота, одно слово – надорвался» [УП, с. 152]; «Ноги как дядины, не разогнёшь, хоть ты что» [УП, с. 146]; «Пока что, привезли в город, а нога-то уж вся чёрная» [УП, с. 146]. «Демократизируя» стиль, Чудаков намеренно

³ Культяпка // Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 325.

акцентирует внимание на обыденности происходящего – больные смиренно переносят свою участь.

Встречается в очерке необычное физиологическое наблюдение: «на 11 человек насчитывается только 20 рук с 76 пальцами; 15 ног с 53 пальцами; кое у кого не хватало вершка-другого кишок; только один счастливец обладал полным комплектом всего инвентаря, даже больше: он имел ещё пулю в правом лёгком, что уже было совсем излишней роскошью» [УП, с. 146]. «Арифметические» подробности вместе с обобщающим словом «инвентарь» придают ироничное звучание фрагменту – вызывают смешанные чувства: сострадание и, с другой стороны, принятие положения – хорошо, что живы, пусть и с увечьями.

Также в очерке упомянуто мясо: «Первым всегда просыпается Трифонов; кряхтя, перекладывает повыше на соломенную подушку свою “культяпку” (три вершка большого мяса – всё, что осталось от правой ноги после операции) и тянется рукою под изголовье, где хранится махорка» [УП, с. 147]. «Да и было с чего: понимаешь, ноги-то всё пухли, недоуздок-то всё резал мясо-то, наконец дошло, что на правой ноге доска лопнула, а в трещину-то пузыри водяные...» [УП, с. 150]. Физиологичность и «жестокость» данного термина вызывает сожаление и ужас у читателя, однако у больных это слово не вызывает никаких эмоций, они к нему привыкли, для них «мясо» стало нормой.

Ряд названий человеческих органов и частей строения человека Чудаков, будучи великолепным стилистом, вплетает в устойчивые выражения: «Изо дня в день идёт так: когда у взрослых иссякают темы, когда переговорено обо всех подробностях операций, *перемыты косточки* всей больничной администрации, когда зевота уже начинает *сводить судорогой челюсти*, – кто-нибудь для оживления и потехи палаты вступает в перебранку с Васей» [УП, с. 147]. «Курят ожесточённо, до кружения в голове и *остекленения глаз*» [УП, с. 146]. «Вася, взъерошенный и возбуждённый, отругивается до тех пор, пока приход доктора или внезапно хлынувшие слёзы не заставят его лечь и *закрыться с головой одеялом*» [УП, с. 147]. «Нянечка,

мне, пожалуйста, горбушечку, – умильно *скалит* зубы Трифонов. – Вот-вот-вот, вот хорошо! Какая ты, нянечка, умная. Поди-ка, я тебя поцелую» [УП, с. 147]. «Вот пошли курить, а ты лежи да *слюнки глотай*» [УП, с. 147]. «Он огрызается, *блестит* карими *глазёнками*, размахивает исхудавшими кулачишками, бросает направо и налево самые обидные, по его мнению, слова...» [УП, с. 147]. «Ничего, ваше благородие, – осклабляется он, *воротя* *лицо* в сторону, чтобы едкий перегар махорки не пахнул на доктора» [УП, с. 148]. «Я, – говорит, тебя *на ноги поставлю*» [УП, с. 151]. «Я уже и голос потерял. Лежу, только *зубами стучу*» [УП, с. 151].

Выражение «перемывать косточки» означает «ругать», оно связано с древним ритуальным обычаем захоронения. «Свело судорогой» – «испытывать болезненное ощущение»; говоря о героях очерка, автор подчёркивает скуку, испытываемую героями произведения, они испытывают боль от этого. «Остекление глаз» – выражение, синонимичное глаголу «ослепнуть». Заглушая свою боль, обитатели палаты заменяют её другой «болью». «Закрыться с головой» – «спрятаться». Каждый герой очерков хочет спрятаться от своих болезней, освободиться от них. «Скалить зубы» – «злиться». Все персонажи злятся на свои недуги, на свою беспомощность, на свою «неполноту». «Слюнки глотать» – «страстно желать чего-то». Больные сожалеют, что оказались здесь, но сделать с этим положением они, к сожалению, ничего не могут. «Глаза блестят» (у Чудакова трансформировано: «блестеть *глазёнками*») – «радоваться». Несмотря на своё плачевное состояние, пациенты поддерживают друг друга, их радуют люди, которые находятся рядом с ними. «Воротить лицо» – «отказываться, отторгать». Одиннадцать человек палаты как будто пытаются отвергнуть своё нахождение в больнице, мечтая о скорейшем выздоровлении. «На ноги поставлю» – «вылечу». Одна из главных радостей больных – это надежда на выздоровление, с которой они просыпаются и засыпают. И главный человек, который поддерживает надежду героев, – это доктор.

Вплетая в прямой смысл переносное значение устойчивых выражений, Чудаков в очередной раз подчёркивает, что жизнь пациентов основана всё-таки на физиологии, на человеческом строении, которое у пациентов неполное, «недостающее». Даже когда больные говорят на отвлечённые темы, они так или иначе касаются своих болезней.

Достоверность достигается автором и за счёт использования слов из подгруппы «Анатомическое строение человека». Наименование человеческих органов и частей тела вызывает у читателя болезненные ощущения. Боль присутствует абсолютно во всём человеке. Данная тематическая подгруппа позволяет прочувствовать читателю боль, как будто на себе. Чудаков мастерски передаёт беззащитность и хрупкость человеческого существования. Это не оставляет равнодушным, призывает к гуманному отношению к человеку. Каждый, прикоснувшийся к очерку, проживает историю персонажей вместе с ними.

Тематическая группа «Больница» включает в себя и тематические подгруппы, связанные с описанием больницы и врачей: «Медицинское учреждение», «Медицинские специальности».

Основу тематической группы «Больница» составляют лексические единицы подгруппы «Медицинское учреждение». В неё входят названия медицинских помещений, их оснащения и другие атрибуты.

Все действия, описанные в очерке, развиваются в больнице: «Приехал в город, ложусь в больницу» [УП, с. 150]; «Ну, всё-таки настоял – отправили в городскую больницу» [УП, с. 151].

Один из героев очерка называет больницу «богадельней»:

1. В России до 1917 г.: дом для престарелых и инвалидов.
2. Об учреждении, в котором сотрудники заняты малоинтересной рутинной работой (ироническое)⁴: «В

⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб., 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B0>

богадельню приготовили за первый сорт» [УП, с. 150]. Эмоциональная окрашенность данного слова показывает, что персонажи очерка находятся в больнице не по своей воле, им это не нравится.

Центральным местом действия является палата: «День в больничной палате» [УП, с. 146]; «Это его прямая обязанность, ибо в палате только он один может ходить...» [УП, с. 146]; «Если бы не этот семилетний Вася, обитатели палаты умерли бы от скуки» [УП, с. 147]; «Но в палате к ним привыкли» [УП, с. 149]; «Доносится из соседней палаты бредовый возглас» [УП, с. 152]. Палата – единственное место обитания больных, они проводят в ней всё своё время, именно поэтому ей отведено такое внимание автора. Это маленький мир вынужденно собравшихся здесь разных людей, «объединённых» общими проблемами. В связи с этим логичным кажется метонимическое название всех больных словом *палата*: «После того как ломаная линия температуры, нарисованная на листе против каждой койки, украсится новой чёрточкой, палата затихает...» [УП, с. 147]; «Палата дремлет» [УП, с. 149]; «И разве слишком уж дикий вой больного, раздавшийся внезапно, заставит палату затаить дыхание...» [УП, с. 149]; «Палата готова взорваться, так туго наполняет её дым» [УП, с. 149].

Все обитатели палаты ограничены в своих движениях, поэтому мир каждого буквально сужен до койки: «Давыдов, спящий без одеяла, уже шарит рукой под койкой: ищет костыли» [УП, с. 146]; «Материалу, лежащего сейчас на койках, хватило бы человек на семь» [УП, с. 146]; «Ломаная линия температуры, нарисованная на листе против каждой койки» [УП, с. 147]; «Ковалёв и Давыдов, последний на костылях, направляются в “клуб”, к великой зависти всех, кто прикован болезнью к койке» [УП, с. 147]; «Лёгкая дремота вьётся над койками» [УП, с. 148]; «Его привяжут к койке, чтобы, мечась без сознания, он не порвал свежих швов» [УП, с. 149]; «К койке Трифонова подвозят столик» [УП, с. 149]. Койка – это место

обитания, это тюрьма и мучение; но одновременно это и спасение после операционного стола, который в контексте очерка приобретает антонимический по отношению к койке смысл.

Кроме палаты, пациенты нередко бывают в операционной: «В особой комнате их хлороформируют и, усыпленных, катят в операционную» [УП, с. 148]. Операционная для больных – это место, вызывающее противоречивые чувства: надежду на спасение и ожидание нестерпимых мук.

Говоря об операционном процессе, писатель обращается к понятию *подвижный столик*: «На подвижном столике возят больных, которым сегодня предстоит операция» [УП, с. 148]; «К койке Трифонова подвозят столик» [УП, с. 149]. Это наименование подчёркивает тяготы состояния больных: двигаться сами они не могут, помощником для медперсонала в этом деле становится это средство передвижения.

Для того чтобы находиться в больнице, необходимо соблюдать правило, касающееся внешнего вида. Для всего медицинского персонала больницы необходим белый халат, который является непременным больничным атрибутом: «Бесшумно ступая по полу, входит, вся в белом, сиделка с подносом, загруженным пайками хлеба» [УП, с. 146]. Чудаков также именуется халат белым балахоном: «Он – в белом балахоне, спокойный и серьёзный и похож на древнего жреца» [УП, с. 148], подчёркивая значимость работы врачей, акцентируя внимание на некой сакральности их работы.

Пациенты тоже должны пройти «переоблачение», которое сделает их официальными обитателями особого больничного мира: «Чебаков подымает белую больничную рубаху и обнажает большую заплату на правой стороне живота» [УП, с. 148].

Большое место в очерках отводится наименованию медицинских приспособлений и лекарств. Повествование детализировано упоминанием о каплях, мазях, костылях, термометрах, ножах, спирте, а также ланцетах, шприцах, иглах, бинтах. Упоминание этих наименований передаёт больничную атмосферу более ярко, выпукло; читатель может наглядно

представить, скольким манипуляциям подвергаются пациенты. Некоторые элементы несут на себе эмоциональную окрашенность за счёт индивидуализации речи говорящих: «какая-то мазь» (ненужность, бессмысленность выписанного лекарства); «ножище», «ножик» (удивление и страх от увиденных предметов); «шприц» (искажённая огласовка, свидетельствующая о возможном опасении перед процедурой).

Данная тематическая подгруппа показывает читателю наполняемость больничного мира прошлого столетия. Используемые Чудаковым единицы дают представление о больничной обстановке, детализируют особый быт профессиональной сферы врачей. Читатель становится не просто сторонним наблюдателем, он как будто является действующим лицом, погружаясь в мир подробно описанной больничной жизни.

Неоднократно писатель обращается к наименованиям медицинских специальностей, они и составляют подгруппу «Медицинские профессии». Всё время рядом с больными находится сиделка или же, как её называют сами пациенты, нянечка. Данное наименование невольно наводит ассоциации с детством, с добротой заботливых рук – именно подобного участия и сострадания так не хватает больным. Заходит в палату к её обитателям и фельдшер, который приносит термометры и наблюдает за работой доктора: «Приходит фельдшер и раздаёт всем больным термометры» [УП, с. 147]; «Фельдшер с развёрнутой книгой и карандашом в руках следует за ним» [УП, с. 148].

Главным человеком для пациентов больницы является доктор: «Палата затихает: скоро придёт доктор» [УП, с. 147]; «Опухоль начинается, господин доктор...» [УП, с. 148]. Доктор для пациентов – самый важный человек. Они его уважают и побаиваются. Именно от него зависит их жизнь, поэтому больные готовы беспрекословно слушаться доктора и подчиняться ему.

Единицы тематической группы «Больница» играют важную роль в постижении художественного замысла писателя.

Во-первых, Чудаков обращается к реальным медицинским терминам и профессиям. Он подробно описывает болезненные ощущения пациентов, опираясь на медицинскую лексику. Благодаря этому создаётся особая реалистичность и правдивость. Во-вторых, ощущение бережного отношения автора к описываемым пациентам, угадываемое в наименованиях больных; переживание «общей» боли вместе с героями, подробное описание каждого органа, боль в котором мучит людей из палаты, – всё это влияет на эмоциональность и общую выразительность очерков. Авторская позиция выражается с помощью именно этой тематической группы. Поэтому слова тематической группы «Больница» является самым главным средством выразительности в больничных очерках «В починке».

Больничные очерки «В починке» Фёдора Ивановича Чудакова, написанные в 1913 году, – это реалистическое произведение, обращённое к бытовой, но не самой простой теме, – истории людей, борющихся со своим недугом.

Главное средство создания выразительности больничных очерков – это использование слов тематической группы «Больница». Обращаясь к лексическим единицам этой тематической группы, Ф.И. Чудаков достигает особой эмоциональности повествования. Жизнь пациентов конкретной палаты оказывается очень тяжёлой. Каждый день эти люди сталкиваются с болью, бессилием, потерей, однообразием и скукой. Но при этом одиннадцать больных сильны духом, они не теряют веры в лучший исход, они не опускают руки и борются со своими недугами, они поддерживают друг друга.

Тематическая группа позволяет «вписать» читателя в обстановку палаты. Погружаясь в произведение, он испытывает те же чувства, что и персонажи очерка. Его пронизывает то же бессилие, та же боль, то же чувство сострадания и печали.

Слова тематической группы «Больница» не только влияют на эмоциональное восприятие произведения, но и создают особый реалистичный фон очерка. Используя реальные

медицинские термины и названия профессий, Ф.И. Чудаков позволяет читателю оказаться в центре медицинского учреждения, понять логику его жизни. Читатель как будто проживает жизнь больных, находясь непосредственно в описываемой палате.

В очерках «В починке» Фёдор Иванович Чудаков наполняет медицинскую лексику особым нравственным звучанием. Глубинные человеческие чувства: сопереживание, сочувствие, доброта – вот к чему призывает автор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аксаков С.Т. Копытьев. / С.Т. Аксаков. – М., 1857. – Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/aksakov-ss05-02/aksakov-ss05-02.html#s003004>. – 10.05.2022.
2. Аксаков С.Т. Наташа. / С.Т. Аксаков. – М., 1857. – Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/aksakov-ss05-02/aksakov-ss05-02.html#s003004>. – 10.05.2022.
3. Аксаков С.Т. Очерк зимнего дня. / С.Т. Аксаков. – М., 1858. – Режим доступа: <http://poesias.ru/proza/sergey-aksakov/aksakow10063.shtml>. – 10.05.2022.
4. Алефиренко Л.Ф. Теория языка: введение в общее языкознание: Учебное пособие / Л.Ф. Алефиренко. – М.: Издательство центра академии, 2007. – 368 с.
5. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.С. Болотнова – М.: Флинта, 2009. – 520 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 361 с.
7. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989. – Страницы.
9. Жеребило Т.В. Методы исследования в языкознании: Словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 56 с.
10. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. – СПб.: Норрис, 1998. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slo>

vari/dic/?word=%D1%87%D0%B8%D0%BA%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C&all=x.10.05.2022. – 20.04.2022.

11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1992. – 944 с.

12. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в шести томах: Пьесы, очерки, статьи / К.Г. Паустовский. – М.: Гослитиздат, 1958. – Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/paustovski-ss06-06/paustovski-ss06-06.html>. – 10.05.2022.

13. Фриче В.М., Луначарский А.В. Литературная энциклопедия в 11 томах. / В.М. Фриче, А.В. Луначарский. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1929-1939. – Режим доступа: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com/4038%D0%9E%D1%87-%D0%B5%D1%80%D0%BA>. – 20.04.2022.

14. Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. – М.: Русский путь, 2019. – Т. 2: Убитая песня. – 590 с.

Анастасия Приходько

ФАКТЫ

Студентка Историко-филологического факультета БГПУ.

Исследование творчества В.Г. Алюшина проводила под руководством Татьяны Евгеньевны Смыковской.

Образы времён года в лирике В.Г. Алюшина

Виктор Георгиевич Алюшин – известный амурский поэт и радиожурналист, нередко его называют амурским Сергеем Есениным. Алюшин – автор сборников «Зелёный зной» (1973), «Свет ковыля» (1985), «Туманы северного края» (2000), лауреат премии Амурского комсомола, член Союза российских писателей.

Некоторые воспринимали его как своего, «амурского Рубцова», как одного из «тихих лириков» регионального масштаба⁵. Каждое стихотворение В. Алюшина является уникальным лирическим произведением, а вместе с этим составляет огромную ценность для любого жителя Приамурья.

Цель исследования – художественный анализ образов времён года в лирике Алюшина, выявления их значения в контексте творчества поэта.

Задачи исследования:

- 1) изучить научную литературу по теме исследования, выявить художественные доминанты образов времён года в русской поэзии;
- 2) выявить образы времен года в поэзии Алюшина, охарактеризовать их составляющие (*роса, зной, дождь* и т. д.);
- 3) определить их место в лирическом мире поэта, выявить особенности их художественного бытования и связи с мировоззрением Алюшина.

⁵ Урманов А.В. «Мы твёрдо стали на Амуре...»: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: монография / А.В. Урманов. Благовещенск, 2019. С. 419-426.

Актуальность данного исследования обусловливается малоизученностью образов времён года в амурской поэзии XX столетия. Рассмотрение функциональной заданности образов времён года на материале сборников «Свет ковыля» и «Туманы северного края» дадут возможность углубить представления о специфике стихотворного творчества Алюшина.

Отсутствие исследований по теме работы, необходимость разработки методических рекомендаций по изучению творчества В. Алюшина определяют **новизну** данной работы.

Обращаясь к теме нашего исследования, стоит отметить, что важную роль в понимании идейно-художественного замысла стихотворений Виктора Алюшина играют образы времен года.

Родная природа всегда вдохновляла поэтов. Как писал М. Эпштейн: «Если верить поэзии, между ней и природой всегда существовало избирательное родство. Именно в природе поэт находит самый чистый источник своего вдохновения – минув книги, знаки, мнения, условности»⁶. Пейзаж всегда предстает перед нами по-разному, вдохновляет и удивляет нас. Лирические произведения В. Алюшина передают больше, чем просто зарисовки природы. Пейзаж в произведении не только обозначает место и время действия, но и может выступать как форма психологизма, отражая внутреннее состояние лирического героя или самого автора.

Изображая образы времён года, В. Алюшин создает многогранные картины мира, они сменяются, создавая ощущение, с одной стороны, изменчивости жизни, с другой – циклическое её изображение. Образы времён года, которые созданы посредством пейзажной лирики, насыщены светлым восприятием и глубокой любовью к прекрасной природе Приамурья.

Образы, изображенные в художественном мире В. Алюшина, включают в себя краски природы (цветовая символика), её звуки, запахи, поэтому выступают не просто

⁶ Эпштейн М.Н. «Стихи и стихии»: Природа в русской поэзии XVIII-XX вв. Самара, 2007. С. 15.

образами, а несут в себе символическое значение и выражают идейно-художественный замысел поэта.

Нередко образы времён года могут быть раскрыты неочевидно, а могут быть представлены в виде пейзажных вкраплений, пейзажных штрихов, которые характерны для определённого времени года: «уже роса упала на деревья» («Моё село»⁷), «снова полуденным зноем объят» («Пасечник» [1, с. 9]), «выше солнце – тень короче» («Земля зодчих» [1, с. 26]).

В лирическом мире В. Алюшина доминирующими временами года являются зима и лето.

Образ лета сравнивается с идиллическим пространством, с пышным изобилием земли, открывающей объятия человеку. Лето представлено как пора спокойствия, тишины, гармонии. Образ лета нередко вызывает у автора приятные воспоминания о родной земле Приамурья, подобное изображение мы можем наблюдать в стихотворении «Дождь в среднерусской полосе»:

С неба на жёлтый песок
Синие капли упали.
Дождь берега пересёк
И заплясал на причале.
Дождь, окружая вокзал,
Забарабанил по крыше.
А над вокзалом и выше
Воздух игольчатым стал.
С неба стихия неслась.
Я любовался Россией,
Чувствуя с этой стихией
Давнюю, кровную связь [1, с. 4].

Центральным образом в стихотворении является образ дождя. По определению Г. Бидерманна, «дождь сравнивали с жизненной силой души, которая приводит тело в состояние расцвета, так что оно не высыхает, подобно тому как в

⁷ Алюшин В.Г. Свет ковыля: стихи / В.Г. Алюшин. Благовещенск, 1985. С. 4. Далее стихотворения цитируются по этому изданию с указанием страниц в квадратных скобках с указанием номера источника.

зависимости от увлажнения дождем проявляются жизненные силы земли»⁸. Дождь символизирует очищение, перерождение, «новую жизнь», лирическим субъектом стихотворения выступает сам автор, и для него дождь является истинно родным: чувствуя с этой стихией, давнюю, кровную связь. Дождь рождает ощущения ясности, чистоты, спокойствия. Благодаря дождю мир как бы набирает новые силы, воздух становится свежим. Всё, что находится на земле, начинает играть новыми красками: «воздух игольчатым стал, и заплясал на причале» [1, с. 4]. Дождь рождает у лирического героя чувство всеобъятности мира, «блаженной страны». Лирический герой стихотворения, находясь далеко от дома, вспоминает и чувствует ощущение родного дома, родной земли Приамурья: «я любовался Россией, чувствуя с этой стихией, давнюю, кровную связь».

Художественное пространство стихотворения создает ощущение гармонии, перед нами идиллический топос. В начале стихотворения с неба на жёлтый песок падают синие капли, происходит слияние неба с землей, в этот круг включаются причал и вокзал. Всё, что характерно для земного мира, вклинивается в циклический круг жизни. Такое ощущение гармонии воплощается в образе лета.

Лето – категория символическая, это «символ страдающей, «вечно милой» и «самой кроткой» матери»⁹. Посредством летнего пейзажа воссоздается образ вечности, образ лета не требует никаких преобразований, он сам по себе является «идеальным». Именно через описания летней природы раскрывается внутренний мир человека, именно в образе лета В. Алюшин находит глубокие соответствия, ёмкие символы для выражения мыслей и души.

В стихотворении присутствуют составляющие, которые характерны для летнего времени года, – водная стихия: вода, небо, дождь, воздух. Вода – «один из четырёх символических

⁸ Бидермани Г. Энциклопедия символов / Г. Бидермани. М., 1996. С. 73.

⁹ Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003. С. 108.

первозлементов, составляющих мир»¹⁰. Вода – основа мироздания, она и есть жизнь, она оживляет, несёт плодородие. Так же вода несёт очищение на землю. Небо является источником жизни и света.

Обращаясь к цветовой символике стихотворения, главным, преобладающим цветом является синий. По определению Н. Поповой, синий цвет в христианской парадигме «символ всего духовного, постоянства, истины и верности»¹¹. В мифологическом сознании небо всегда было обиталищем богов, духов предков, ангелов, отсюда главный символ синего – божественность. Присутствие синего цвета в стихотворении неслучайно, синий цвет позволяет передать состояние гармонии, умиротворения, создает ощущение той самой «блаженной земли», земли Амурской.

В стихотворении «Родная земля»¹² можно проследить воплощение «блаженного уголка земли», который так же неразрывно связан с воспоминаниями о родной автору земле. В стихотворении В. Алюшин выступает как поэт, который способен уловить переходные состояния природы, здесь лето вот-вот сменится осенью. Об этом нам свидетельствует усилительная частица «уже»:

Уже пшеничный колос
Качается, звеня [1, с. 4].

Ощущение гармонии лирический субъект находит в колыпании пшеничного колоса, покое, том замирании, которое не равно зимней смерти, когда вся природа замирает. Колосья ассоциируются с образом матери-земли, которая вскормила, взрастила лирического героя стихотворения. Образ колосьев становится символом Родины, её неповторимости, красоты. С ними связаны воспоминания о родной земле Приамурья, чувство любви и тоски по ней. Они воплощают незримую связь человека

¹⁰ Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003. С. 108.

¹¹ Попова Н.Н. Античные и христианские символы / Н.Н. Попова. СПб., 2003. С. 61.

¹² Алюшин В.Г. Свет ковыля: стихи / В.Г. Алюшин. Благовещенск, 1985. С. 4.

со своей историей. В стихотворении звучат мотивы о неведомой силе его родного дома:

Родной до боли голос
Зовёт, зовёт меня [1, с. 4].

В. Алюшин очеловечивает природу, наделяет её голосом, природа в своей очеловеченности сливается с природной жизнью:

Земля, где имя дали
И где с друзьями рос,
Меня из дальней дали
Зовёт на сенокос [1, с. 5].

Первая строка второй строфы «земля, где имя дали» доказывает, что Амурская область, её просторы действительно являются для автора его малой Родиной, там началась история его становления. Такие тёплые воспоминания в душе лирического героя стихотворения также воплощаются в создании образа времени года – лета, период сенокоса.

Обращается автор к своим истокам и в стихотворении «Дорога в детство»¹³. Она для автора не забыта, всегда остается в душе. Строки стихотворения погружают в мир детства лирического героя, создается атмосфера единого движения, но дорога детства только в памяти и в воспоминаниях:

Есть у нас испытанное средство,
Чтобы возвратиться в отчий дом.
И сегодня в собственное детство
Мы дорогой памяти идём [1, с. 5].

Лирический герой – взрослый человек, который совершенно точно понимает, что у детства есть момент невозвратности, но, отдаваясь воспоминаниям, он легко переключается на восприятие ребёнка и делится сокровенными ощущениями из далёкого прошлого. Он снова чувствует, как от ледяной колодезной воды, от летней весенней грозы, от июньских рассветов его переполняет радость и огромная любовь

¹³ Алюшин В.Г. Свет ковыля: стихи. Благовещенск, 1985. С. 5.

к миру, к дому:

В мире невозвратного былого
Мама будет снова молодой.
Поутру умоемся мы снова
Ледяной колодезной водой.
Встретимся мы с первой любовью
И заглянешь в милые глаза.
К нашему примчится изголовью
Летняя короткая гроза.
Поплывут июньские рассветы,
Дальний горизонт поманит нас [1, с. 5].

«Дорога в детство» – это путь к гармонии. В стихотворении вновь создается идиллическое пространство, амурский поэт рисует наполненные жизнью картины природы, родного дома, воплощённые в образе лета.

Вновь создавая образ «блаженной земли», автор придаёт огромное значение образу неба. «Июньские рассветы» заменяют землю, небо манит лирического героя: «дальний горизонт поманит нас» [1, с. 5]. В образе неба таится ясность и тишина, как в детстве, где человек не знает забот, проблем, обид, злости.

Символической категорией в стихотворении выступает образ солнца:

... Детство наше солнечное, где ты
Собираешь ягоду сейчас? [1, с. 5].

С помощью образа солнца рисуется образ света, а, как отмечает М. Эпштейн, «свет – главный обобщающий символ всего высокого и духовного в человеческой жизни»¹⁴. С помощью светового образа солнца лирический герой, уже будучи взрослым человеком, выступает философом, который смотрит на жизненные явления с позиции опыта. Он больше анализирует, утверждает, вспоминает и осознаёт то, что для него особенно ценно в простой обыденной жизни: молодая мама, встреча с первой любовью, которой хочется заглянуть в милые

¹⁴ Эпштейн М.Н. «Стихи и стихии»: Природа в русской поэзии XVIII-XX вв. / М.Н. Эпштейн. Самара, 2007. С. 215.

глаза, родной дом – вот что истинно важно и значимо для него. В этом смысле летний пейзаж становится «пейзажем души» лирического субъекта, где душа уходит от реального мира, погружается в воспоминания и растворяется в природе.

В стихотворении перед нами рисуется «идеальный пейзаж», который воплощается в образе лета, происходит своего рода сотворение идеального пейзажа из элементов душевного опыта лирического героя; погружение в мир воспоминаний вызывает в его душе острое ощущение счастья и гармонии.

По своим сезонным признакам образу лета противопоставляется зимний пейзаж. Образ зимы обнажает душу лирического героя, в глазах читателя рисуется особый склад характера лирического субъекта:

Земля под снегом. Гладь да тишь.

Пустынна сельская дорога.

Но если в город не спешишь,

Постой вот здесь – увидишь много [1, с. 33].

Перед нами мечтательный, задумчивый, отрешенный герой, который пребывает как бы за гранью становящейся природы, в её вечном, «потустороннем» покое. Природа замирает, лирический герой созерцает красоту зимней природы, и, можно сказать, призывает всех замедлиться, остановиться и взглянуть на природу зимы иначе: «Постой вот здесь – увидишь много». В образе зимы главенствуют две черты – гладкость и тишина.

В стихотворении присутствует образ снега. Снег традиционно соотносится с символикой белого цвета. Белый цвет воспринимается как «символ неомрачённой невинности доисторического рая или конечной цели очистившегося человечества, стремящегося вернуться к указанному состоянию. Белые или полностью бесцветные одеяния во многих культурах являются священническим облачениями, символизирующими чистоту и истину»¹⁵. Белый цвет является символом божественного света, так и в стихотворении В. Алюшин не

¹⁵ Бидермани Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 26.

создает серый, унылый, мрачный пейзаж, наоборот, зима рисуется в светлых тонах, воссоздается великолепная, сияющая картина:

Алмазы инея летят,
И светит солнце ярко-ярко [1, с. 33].

Образ снега сравнивается с алмазами, автор придаёт этому образу особую значимость. Снег – особая ценность природы, догорая, неповторимая, особенная, благодаря нему всё наполняется светом, играет белыми красками.

Совершенно другой образ зимы представлен в стихотворении «Увязли насекомые в цветах»¹⁶. В стихотворении звучат, с одной стороны, мотивы смерти, картины обветшания, увядания, тления:

Увязли насекомые в цветах.
Смола застыла, с дерева стекая [2, с. 18].

Зима, по определению М. Эпштейна, «это есть время после смерти и до возрождения – то время, которое не явлено в человеческой жизни, но которое с безусловной очевидностью обнаруживается в жизни природы. Природа уже умерла и еще не воскресла»¹⁷. В этом смысле зима выступает как сон, состояние вечной дремоты, странное метафизическое состояние покоя и чистоты. Наиболее очевидно эта остановка жизни свершается в лесу, который своей застылой неподвижностью убедительнее всего свидетельствует о силе зимних чар, сумевших подчинить себе вечный лесной шум и трепетание цветов, птиц. С другой стороны, образ зимы наделён высшими небесными чертами. Зиме приписывается волшебство, чары. Она воздействует на природу какой-то неземной властью:

И с неба льется музыка такая,
Какую открывал в природе Бах [2, с. 18].

¹⁶ Алюшин В.Г. Туманы северного края. Стихи / В.Г. Алюшин. Благовещенск, 2000. С. 56. Далее стихотворения цитируются по этому изданию с указанием страниц в квадратных скобках с указанием номера источника.

¹⁷ Эпштейн М.Н. «Стихи и стихии»: Природа в русской поэзии XVIII-XX вв. Самара, 2007. С. 195.

Образ снега сравнивается с музыкой, музыкой великого немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха, что подчёркивает значимость этого явления в природе.

И солнце не сбавляет вечный бег,
И облака сугробами повисли... [2, с. 18].

Удивительно рисуются зимние чары, зима есть царство «заколдованного сна», где стоит и стынет всё живое, но движение, как признак жизни, присутствует, циклический круг жизнь природы вновь возобновляется.

Однако настроение стихотворения резко меняется в двух последних строках:

Здесь кажутся кошунственными мысли
О том, что всё же смертен человек [2, с. 18].

В данном зимнем пространстве мысль о смерти абсолютно неприемлема. Хронотоп стихотворения даёт понять то, что смерти нет в данном месте. Автор создаёт идиллический зимний пейзаж, где всё гармонично, спокойно, где ни время, ни Вселенная, ни высшие силы не властны над природой. Природа находится в своём состоянии покоя, вечной дремоты, в таком мире смерти быть не может, т. к. сон не является смертью, поэтому и мысли кажутся кошунственными.

В данном случае символика белого цвета раскрывается двояко. С одной стороны, белый цвет – цвет смерти, похоронного ритуала, с другой стороны, белый цвет – цвет божественного происхождения, происходит своего рода слияние жизни и смерти воедино.

Делая вывод, мы можем сказать, что образы лета и зимы не просто пейзажное время, а несменяемый тон, на котором разворачивается вся жизнь лирического героя и даже атмосфера его внутреннего мира. Лето представлено как пора спокойствия, тишины, гармонии. Воспеваются красота летнего пейзажа, изобилие земли. В лирических стихотворениях В. Алюшина, в которых отчетливо прослеживается образ зимы Приамурья, мы видим, как трансформируется материальное, предметно-бытийное в идеальное. В самое холодное время года, когда солнце находится дальше всего от земли, оно оказывается ближе

лирическому герою – благодаря снегу, возмещающему отток тепла притоком свечения.

Посредством пейзажной лирики В. Алюшин в своих стихах достигает высшего умиротворения, но не ценой угасания, а ценой восхищения природой Приамурья.

Исследование показало, что символика образов времён года определяется в художественном мире В. Алюшина разнообразно. В пейзажных циклах стихотворений В. Алюшина образы времён года обладают глубокой содержательной значимостью. Указывают на время и место действия, определяют развитие сюжета стихотворения, также являются одной из форм психологизма. Они способны передать состояние героя, отразить внутренний мир, оказать эмоциональное влияние на читателя художественного произведения. Образы времён года в лирике В. Алюшина способствуют расширению идейно-тематической направленности произведений.

В ходе исследования лирического мира В. Алюшина были определены доминантные образы времён года: зима и лето. Они приобретают свойства образной речи, несут в себе художественную значимость. Природа в художественном мире амурского писателя – второе «Я» лирического героя стихотворения, в котором яснее узнается его собственный облик. Он ощущает радость бытия, мир в его глазах совершенен и непоколебим.

В создании пейзажных зарисовок лета и зимы важную роль играет цвет. Колористические образы являются элементом внешней характеристики образов, средством выразительности, содержащим символическое значение. Белый цвет в лирике поэта наделён религиозной символикой: он обозначает чистоту, святость, безгреховность, небесный свет. Белому цвету близок синий цвет, который символизирует духовность, истину, верность, божественное происхождение.

Анализ лирики В. Алюшина позволил выявить её метафизическую поэтику. Данная особенность позволяет

рассматривать творчество В. Алюшина в контексте произведений русской литературы XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алюшин В.Г. Свет ковыля. Стихи / В.Г. Алюшин. – Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1985. – 48 с.
2. Алюшин В.Г. Туманы северного края. Стихи / В.Г. Алюшин. – Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2000. – 56 с.
3. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.
4. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 303 с.
5. Эпштейн М.Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии, XVIII-XX вв. / М.Н. Эпштейн. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. – 352 с.
6. Бидермани Г. Энциклопедия символов: пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
7. Попова, Н.Н. Античные и христианские символы / Н.Н. Попова. – СПб.: «Аврора», 2003. – 63 с.
8. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Под общ. ред. В.Л. Телицына. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2003. – 528 с.
9. Урманов А.В. «Мы твёрдо стали на Амуре...»: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: монография / А.В. Урманов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 419-426.
10. Кондратенко И. «...Прощупайте сердцем стихию моего стиха»: вспоминая Виктора Алюшина / И. Кондратенко // Амур: литературно-художественный альманах. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – № 11. – С. 98-100.

11. Черкесов В. «В мире всё идёт по кругу...» / В. Черкесов // Амур: литературный альманах БГПУ. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – № 10. – С. 13-16.
12. Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
13. Себина Е.Н. Пейзаж / Е.Н Себина // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2004. – С. 264-275.
14. Белецкий А.И. Изображение живой и мёртвой природы / А.И. Белецкий // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы / А.И. Белецкий. – М.: Просвещение, 1964. – С. 193-233.
15. Крупчанов Л.М. Введение в литературоведение: учеб. пособие. – М.: Оникс, 2005. – 413 с.
16. Мурадалиева, Н. Романтический пейзаж в литературе / Н. Мурадалиева. – Баку: Язычы, 1991. – 204 с.
17. Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. / К.В. Пигарев. – М.: Наука, 1972. – 125 с.
18. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. – М.: Наука, 1985. – Том седьмой (1888-1891). – 354 с.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 282 с.
20. Поспелов Г.Н. Введение в литературоведение. Учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Поспелов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1988. – 528 с.

Дарья Мельникова

@idi_shka

ФАКТЫ

На «Волковских чтениях» участвовала как ученица 11 класса.

На данный момент студентка ДВФУ.

Провела исследования о знании литературы среди своих сверстников.

Победила с исследовательской работой в своей возрастной категории.

Литературные места моего города

В современном мире растёт потребность в активной гражданской позиции. Она начинает формироваться с детства, а именно – со знаний о своей малой Родине. Историю своего родного края надо знать!

Цель работы: обобщение материала о литературных местах города, его систематизация и создание серии настольных игр.

Задачи:

1. Найти и изучить литературные места города.
2. Выявить знания учащихся по этим местам.
3. Определить, кто из писателей и поэтов посещал наш город.
4. Создать настольную игру «Литературный Благовещенск».

Гипотеза: Мы предполагаем, что подрастающее поколение плохо знает литературные места города Благовещенска, подростки практически не знают имён писателей и поэтов, которые жили и живут рядом с ними. Поэтому необходимо расширять знания подростков по данной теме.

Литературное место представляет собой важный объект литературно-географических исследований. Под литературным местом понимается локус литературно-географического

пространства, образ которого неразрывно связан с определённым литературным именем. Можно выделить три типа литературных мест: биографические, собственно-литературные, комплексные.

Первые из них связаны с жизнью литератора, вторые – с его произведением и их героями. А третьи представляют собой продукт той ситуации, когда грань между жизнью и творчеством стёрта.

В своей работе мы решили остановиться на таких литературных местах, как библиотеки, книгообмены, мемориальные доски, памятники. Что касается библиотек, то их насчитывается двенадцать, не считая старейшие Амурскую областную научную с филиалами (Амурская областная детская и Центр библиотечного обслуживания незрячих и слабовидящих). Рядом с библиотеками стали появляться книгообмены (в скверах, парках, больницах), в других людных местах. Любой желающий может взять книгу домой, а также – пополнить книгообмен своими книгами. Что же касается мемориальных досок, то их мало. Памятные доски установлены в честь Л. Завальнюка, О. Маслова, В. Яганова, Б. Машука, И. Ерёмина, А. Чехова, С. Борзуновой.

Памятник (бюст) писателю в городе только один – Николаю Островскому, и то – установленный в честь 50-летия Советской власти. 2 июня 2021 года в городском парке культуры и отдыха был открыт памятник Олегу Маслову. Сейчас решается вопрос об открытии памятника Леониду Завальнюку.

В 2017 году возле библиотеки искусств появился литературный сквер со своей сценой, книгообменом.

Одной из задач нашей работы было найти информацию о писателях, которые побывали у нас в городе. Нам удалось найти около 20 человек.

Когда весь материал был собран, мы решили провести анкетирование подростков в возрасте 14-17 лет. В анкетировании приняло участие 64 человека. Ребятам было предложено ответить на четыре вопроса:

1. Какие литературные места города Вам известны? (библиотеки – 60 человек, театр – 18 человек, книгообмен и книжные магазины – 20 человек, выставки в музее – 8 человек);

2. Кого из амурских поэтов и писателей Вы знаете? (В. Володин – 12 человек, Л. Завальнюк – 7 человек, Б. Машук – 5 человек, Чудаков – 8 человек);

3. Кто из знаменитых писателей посещал наш город? (А. Солженицын – 13 человек, А. Чехов – 28 человек);

4. Памятники каким писателям, поэтам Вы бы хотели видеть в нашем городе? (А.С. Пушкину – 32 человек, С. Есенину – 10 человек, В. Маяковскому – 8 человек, Н. Гоголю – 15 человек, М.Ю. Лермонтову – 7 человек, А. Чехову – 8 человек, А. Ахматовой – 2 человек).

Занимаясь этой работой, мы убедились, какими замечательными, талантливыми людьми богат наш Благовещенск. Их творчество учит подрастающее поколение уважать и любить свою малую Родину. В ходе работы нам удалось найти множество интересных фактов о жизни писателей и поэтов, живших в нашем городе.

Мы пришли к выводам, что мои сверстники владеют общей информацией о литературных местах, но практически не знают писателей, которые жили и живут рядом. Наша гипотеза подтвердилась. И, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, была разработана настольная игра «Литературный Благовещенск», которая включает в себя:

а) литературные пазлы;

б) игру «Найди автора»;

в) настольную игру «Литературный Благовещенск».

Литературные пазлы. В состав входят шесть произведений амурских писателей в виде карточек-пазлов. Необходимо сложить картинку из отдельных кусочков, чтобы узнать автора и произведение.

«Найди автора». В верхнем ряду необходимо разложить карточки с изображением писателей и поэтов. В последующие два-три ряда – карточки с произведениями этих авторов.

Необходимо найти произведение, которое написал тот или иной писатель, и соотнести карточку с произведением с карточкой писателя. В комплект также входят карточки-подсказки (карточки жёлтого цвета).

Настольная игра «Литературный Благовещенск». В состав игры входят: игровое поле, 3 вида карточек с вопросами (синие, зелёные, красные), игровой кубик, фишки, карточки-подсказки (игрокам разрешено пользоваться ими во время игры). В игре могут принимать участие от 2-х до 4-х человек.

За время работы над проектом игры многократно использовались детьми разного возраста. Практика показала, что разработанные игры положительно влияют на детей, расширяют их знания о литературных местах г. Благовещенска, об амурских писателях и поэтах, об их произведениях. Поэтому мы предлагаем использовать игры на уроках литературы, классных часах, для занятий в школьной библиотеке.

День молодого избирателя

Избирательная комиссия Амурской области (далее – ИКАО) ежегодно проводит мероприятия для старшеклассников с целью разъяснения основных правовых принципов избирательного права. Для этого устраиваются классные часы, разнообразные тематические конкурсы и соревнования. В 2022 году День молодого избирателя прошёл в апреле. Всего в 224 мероприятиях приняло участие более 6 500 старшеклассников по всем районам и городам.

Стоит отметить, что далеко не всегда Территориальные избирательные комиссии (далее – ТИК) проводят шаблонные конкурсы и лектории. Благодаря этому старшеклассники могут изучить свои права по достижению совершеннолетия, узнать отдельные моменты Избирательного процесса, пофантазировать на предложенные темы.

Один из конкурсов, проведённый в преддверии I Этноконференции «Волковские чтения», попал в поле нашего внимания. Это литературный конкурс, проведённый ТИК Благовещенского района. Работы двух участников нам прислали как раз в дни активной работы Этноконференции. Потому мы с удовольствием публикуем их в рамках рубрики «Дебют», заочно надеясь, что это станет небольшим авансом для Лады Шутовой и Марии Ишинкиной в их последующем становлении и развитии как амурских писателей!

Член ИКАО Андрей Коваленко

Лада Шутова

ФАКТЫ

Ученица 7 класса МАОУ Грибская СОШ.
В работе над произведениями автору помогали
Татьяна Александровна Устич и ведущий
библиотекарь библиотеки-филиала с. Грибское
В.Д. Щастливец

Выборы в лесу

В лесу настали трудные времена. Везде запустение, беспорядок, бесправие. И когда оказалось, что зайцы замыслили заговор против волков, решили звери выбрать главу леса и навести порядок. В качестве кандидатов заявили тигр и лисица. Оклеили они весь лес листовками, и собрались звери на предвыборные дебаты. Первым выступил тигр:

– Я действительно хочу, чтобы в нашем лесу всё было красиво и чисто. Я обещаю вам, что очищу наш лес от мусора, восстановлю цветы и грибы на затопленных полянах.

Зверям очень понравилось выступление тигра, и они ему громко аплодировали. Тут в центр поляны вышла лисица. Она очень хотела стать главой леса, ей хотелось покрасоваться в высоком собрании.

– Я обещаю, что в нашем лесу на каждом дереве будет висеть фонарь, что у всех у вас будут большие тёплые и удобные жилища.

И снова очень многим зверям понравилось, они громко хлопали, но были и те, кто не поверил. Многие, правда, понимали, что лиса обманет их.

И вот наступил день выборов. Собралась очень большая уважаемая комиссия: медведь, важный бобёр и матушка россомаха. Они следили за тем, чтобы выборы проходили честно.

Лиса понимала, что может проиграть и решила пойти на хитрость. Начала она ходит по домам зайцев и раздавать морковь, да уговаривать их:

– Какие вы все быстрые да красивые, проголосуйте за меня, а я вам разрешу командовать волками.

Зайцы поверили лисе.

Не знали ни лиса, ни зайцы, что кроме высокой комиссии есть на выборах наблюдатель, орёл. Он летал над лесом и всё видел. А потому спустился на землю и разоблачил лису. После чего её с позором выгнали с выборов, а зайцев строго предупредили, чтобы не слушались больше всяких обманщиков.

А выборы прошли честно, и в лесу наступил порядок!

Мария Ишинкина

ФАКТЫ

Ныне – студентка БФЭК.
В работе над произведениями автору помогала Светлана Николаевна Ишинкина, учитель русского языка и литературы МАОУ Новотроицкой ООШ.

Глава с головой

Раз, в прекрасный вечерок,
Собрались сельчане.
Кого в главы выбирать им,
Дружно обсуждали.
Предложений было много...
И вопрос решался скоро!
– Пусть Таисия идёт! –
Предложил товарищ. –
Она девка хоть куда:
И умна, и справедлива.
За народ стоит горой.
Тая, в общем, наш герой!
– Я бы предложил Петра! –
Крикнул дед Сергей с угла. –
Пётр тоже активист,
Хлебороб и тракторист.
Дело спорится в руках,
Сено всё стоит в стогах.
Он ответственный, простой.
Пётр – тоже наш герой!
– Ну, а как чужак придёт?
– Его не выберет народ!
Вот на том и порешили:
Таю с Петей предложили.
Тая с Петей застеснялись,

Но совсем не испугались.
Стали думать, размышлять,
Как народу помогать...
Как работы план составить,
Без вниманья не оставить
Ни поля, ни клуб, ни баню...
Пригласили к себе Ваню.
Ваня опытный глава
(Так гласит о том молва).
Покумекали втроём –
Согласились: «Всё! Пойдём!».
Кандидатов было много:
И от партий, от народа,
От себя решился кто-то...
Все на выборы, друзья!
Заявляю смело я:
– Кто бы ни был здесь главой,
Должен быть он **с головой!!!**

**Сказка о ТИКах,
славных их детях УИКах
и о народных выборах**

В Российском царстве,
В Великом государстве
Жили-были разные ТИКи,
И у каждой были свои УИКи.
Относились они к ним хорошо,
Воспитывали их одинаково:
В одинаковые одежды одевали,
Одинаковые песни певали.
В одни и те же дни гостей принимали.
Терема по-особому убирали.
Стены российской символикой украшали,
Над теремами флаги развевались,
Песни добрые с утра распевались.

Про праздники глашатаи возвещали,
Всех в горницу созывали:
– Всем! Всем! Всем!
В нашем царстве-государстве
Состоится скоро пир.
Все к нам в гости приходите,
Паспорта с собой берите.

Вот дни пиршества пришли –
В терем гости потекли.
Терем стража охраняет,
Чужеземцев не пускает.
Чтобы в терем тот попасть,
Паспорт надо показать.
Всем, кому есть восемнадцать,
Бюллетени подают.
В бюллетенях – кандидаты
В президенты, в депутаты!
Можешь выбрать хоть кого:
В президенты – одного,
В депутаты можно три,
Только всех их изучи.
Прочитай скорей программу,
Биографию прочти,
Чтобы точно тебе знать,
Кому голос свой отдать.

Вот почестен пир идёт,
В залах толпится народ.
Помогает ТИК, УИК –
Спрос-то с них теперь велик!
Бюллетени получить,
Подсчитать и сохранить,
Штамп и подписи поставить,
В сейф всё это положить.
И комиссия не дремлет,

ТИКу мудрому всё внемлет,
Исполняет всё в свой срок,
Только был бы в этом прок.
К заболевшим в государстве
Выезжает избирком,
Чтобы каждый в нашем царстве
Выбрать кандидата мог.
Избиратели все ждут,
Когда выборы пройдут
И объявят результаты...
Кто же вышел в депутаты?
Кто стал сельским головою?
Кто России стал главою?

Вот окончен пир большой,
Гости потекли домой.
В теремах кипит работа.
У комиссии забота
Голоса все подсчитать,
Людям результаты дать.
Ночь ночуют в теремах,
Итоги пишут все в листах,
В ТИКи результат везут,
Документы все сдают.
И народу объявляют
Результаты голосов.
И теперь уже все знают:
Президент стране готов.
В должность президент вступает
И народ свой защищает.
Стали жить все поживать
И добра лишь наживать.
Тут и сказочке конец,
А кто слушал – молодец!

КНИГИ НА I «ВОЛКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ»

Дина Целёва

Отзыв на книгу Андрея Коваленко «На кокосовой “Скорлупке” по банановым озёрам»

Прочитала от корки до корки «прозу-повесть» Андрея Коваленко «На кокосовой “Скорлупке” по банановым озёрам». Я по-детски восхищена новизной общения героев этой повести, и, надеюсь, ребятам-читателям тоже понравится.

Простой стиль беседы, морские термины – всё это заинтересует читателя. В качестве послесловия хотела бы добавить, что дядя Коля-капитан [его прототип – прим. ред.] оказался интересным собеседником для ребят. Он ещё играл на гитаре, и у него была любимая песня о его морских походах:

*Когда ходил я в плаванья далёкие,
То целовал гранит на пристанях.
В любом порту, в любой заморской гавани,
И на Курильских дальних островах.
На самых дальних наших островах.
Бананы ел,
Пил кофе на Мартинике,
Курил в Стамбуле злые табаки.
В Каире я жевал братишки-финики.
Они, по мне, они, по мнению моему, горьки;
Они вдали от Родины горьки.
Эх, не мила краса
В чужом окошечке,
В чужих морях
Провёл я много дней,
Но не оставил там
Души ни крошечки,
Она для нас и Настеньки моей,
Она для милой Олечки моей!*

Отзыв.
Прогитала от Карки до
Карки" прозу "повесть
Андрея Коваленко", На како-
собой скорлупке по банановым
Феррам" - я подумала востуже-
на невозможной одиозной глупости
этой повестью и надеюсь,
редителям-читателям тоже
поправится. Простой стиль
сюжета морские терзания -
все это фантазирует зритель.
Тоскливо-Амиле.
Нужно котё-капитан ока-
зався интересным собеседни-
ком для ребят. Он ещё
играет на гитаре и у него
была любимая девушка о
ею лопнули порошки:
- Когда ходил я
в плаванья дальних
по целевым вранит
на пристанях.
Влюблом порту!

Влюблей заморской гавани,
И на Куримских
Явских островах
На самых дальних
Наших островах.
Бананах сл,
Ты кофре на Мартанике
Курал в Стамбуле
Здраве табаки
В Каире я пелал -
братчики Фриники
Они тамне, ой тоиченько
Моему горюкам
Они бьели от Радамы Верки.
Эх не мила, Крава
Битсом охотыке,
Б Битсах морях
Провёл я много дней,
Но ни оставил там,
Фини ни крошечки,
Она для нас и Намёноки
Моей
Она для милой "Амели млат",
Умительница Зелёва АА

Татьяна Нохрина

@mummy_dallen

Отзыв на книгу Андрея Коваленко «На кокосовой “Скорлупке” по банановым озёрам»

Никогда не писала рецензий на прочитанное. Да и теперь не рецензия. Небольшое мнение на будущую книгу амурского автора.

Мне посчастливилось прочесть гранки повести-сказки Андрея Коваленко «На ореховой “Скорлупке” по банановым озёрам». Ушло на это действие два дня. Не потому, что повесть большая, сложная, перегруженная, вычурная. Нет. Просто хотелось растянуть это удовольствие: неторопливо читать, смакуя, пробуя вкус, наслаждаться этим процессом, а также мягкой неназойливой аккуратно выписанной фантазией автора.

Автор бережно и осторожно относится к своему читателю. В повести нет надрыва, нет борьбы, нет пугающих тяжёлых деталей, нет ничего, что может травмировать или испугать читателя, оставить тяжёлое послевкусие мрачности и трагичного надлома.

Эта повесть о жарком, светлом солнечном дне, полном радостных открытий и беспечных игр ребятни. Эта повесть о лёгкости ребячьих отношений: к себе, к напарникам, к взрослым сложностям и заморочкам. И о весёлой безудержной ребячьей фантазии. Которую так легко сломать неосторожными глупыми словами. Которую так легко поддержать, просто подыграв или спокойно приняв. Которая так важна в детстве.

Логика игры, логика сказки раскрывается во всей невероятности и интересности методами щадящими, осторожными и весёлыми. Даже когда автор описывает напряжённый момент с непонятно откуда падающими на палубу «Скорлупки» бананами среди тропической тихой ночи, он подбирает такие слова и так складывает их во фразы, что места

для настоящего страха просто нет. Это всего лишь ещё одно странное приключение, среди тёмной ночи, тишины и безопасности уютного крепкого корабля, надёжно созданного папой одного из героев.

Любая проблема решается по-ребячьи просто, непосредственно, без тяжёлых раздумий и сложного морального выбора. Обсуждения длятся ровно столько, сколько необходимо для понимания проблемы всеми и выработки лучшего способа действий. Любая быстро вспыхнувшая обида гасится самими ребятами путём обсуждения и понимания.

Логика игры, логика сказки позволяет понимать, что здесь и сейчас беде не быть. Невозможно произойти чему-то понастоящему ужасному, с тяжёлыми последствиями. Даже когда один из героев, поскользнувшись, падает на палубу, сильно ударившись о доски. Для логики игры это означает, что выскочил гадкий маленький краб, мешавший жить мальчишке. И, чтобы спасти товарища от этого поганца, надо оттащить мальчика от краба. А потом выкинуть краба за борт.

И логика игры торжествует: мальчик освободился от мучавшей болезни, она ушла.

Общее впечатление от повести: солнечный сияющий зайчик на ладошке. Книга эта – лёгкая, светлая, совершенно детская, чистая и яркая, как солнечные пятнышки сквозь мозаику листвы на душистой траве. Максимально ласковая, тёплая и чистая.

Андрей Коваленко

@green_and

ФАКТЫ

Родился в 1985 году.
По образованию – программист.
Руководитель #МАЛО_БЛГ.
Продолжает публикацию романа в этом номере.

ЦИТАТА

«В русской литературе обязательно кто-то должен страдать: герой, читатель или автор. Если в произведениях молодого автора мало страданий, с ними ему с удовольствием помогут более опытные коллеги».

«На кокосовой “Скорлупке” по банановым озёрам»

Продолжение

Начало в НЕОнлайн №№ 5 (5), 6 (6), 8 (8), 9 (9) за 2021 г., 1 (10), 2 (11), 3 (12), 4 (13), 5 (14) за 2022 год. №№ 1-10 в свободном доступе можно найти по ссылке: <http://amurpoet.ru/neo>.

Прочитать остальные новинки в электронном виде на <http://boosty.to/malo.blg>.

26

Мишка оказался из тех мальчишек, которые действительно учатся не по дням, а по часам. Он схватывал всё буквально за минуты. Ещё совсем недавно он на корабле с трудом передвигался. А водяные преграды опасался пересекать. И вот сейчас с лёгкостью и даже грациозностью вскарабкался на борт брига. Взлетел. Максим поразился силе и умению своего моториста.

«Нелегко, наверное! – подумал капитан. – У него внутри же ещё и краб сидит. Здоровый, бородатый и с клешнями! Может, колется, если Миха начинает слишком активно двигаться».

– Капитан! – вдруг появился Мишка перед двумя своими друзьями. – Никакой активности на корабле без нас не обнаружено!

Максим внимательно осмотрел свой бриг со стороны. Он первым вышел к кромке воды. Но долгое время не входил в неё. Только после некоторой осторожности и изучения местности мальчик решил, что ему следует действовать. Вне зависимости от того, являлся ли он капитаном брига или же простым мальчишкой. Капитан также сумел ловко вскарабкаться по борту. В этом он мог претендовать на звание лучшего в команде. И мог наверняка дать существенную фору даже самому опытному юнге. Стоило разве что побывать на самой верхушке мачты – просто, чтобы понять, насколько это страшно или весело. Или страшно весело! И после этого начинать всем говорить о своих умениях. Не забывая оттачивать их.

– Какие указания, капитан? – обратился моторист, встав смиренно.

– Убрать лист с борта, спрятать его в надёжное место! – Максим отряхнул свою одежду от водорослей.

– Есть, капитан!

– Привести себя в порядок! – Мишка тоже был в каких-то водорослях и по понятной причине по уши мокрый. – Не подобает так выглядеть офицеру технического обеспечения! – то ли выдумал, то ли вспомнил откуда-нибудь текст капитан.

– Есть, капитан!

– Я в трюм, хочу посмотреть, что у нас на нашем бриге есть из еды: бананы я точно не хочу.

– Есть, капитан!

– Вот именно – есть бананы я не хочу! А ты проследи за боцманом, – Максим бросил взгляд в сторону Сашки, который отчего-то теперь не выказывал желания купаться, как ещё этим утром, а стоял по колено в воде. – Мало ли что!

– Есть, капитан!

Мишка отвечал не наигранно. Ему действительно нравилось то, что происходило сейчас с ним. Мальчик буквально ощущал прилив сил, какой с ним в последний раз

случился в прошлом году во Владивостоке. Он рассматривал вместе с мамой и папой огромные орудия Ворошиловской батареи на острове Русский.

Моторист весь последующий год желал испытать нечто сопоставимое по силе с теми эмоциями. Хотя даже и не думал, что окажется членом экипажа настоящего парусника. Это окрыляло мальчика столь сильно, что всё отодвигалось на второй план. Мишка ловил себя на мысли, что меньше стал думать о том крабе, что жил внутри него, о бабушке, дедушке и даже о родителях. Хотя по ним, кажется, он немного соскучился.

– Чего там остановился? – Мишка подошёл к борту и перегнулся через него, чтобы лучше рассмотреть всё вокруг. – Сэр! – добавил вдруг мальчик неожиданно даже для самого себя

– Что-то ты о сэре вспомнил! – откликнулся Сашка. – То, вроде как, молчал. Я уже подумал, что ты совсем нюх и разум потерял, – попытался храбриться боцман. – И моё звание для тебя ничего не значит!

– Просто мы опять на корабле. А до этого были на берегу. Сейчас возвращаемся к морским канонам! Сэр! – слово «сэр» Мишку сместило, в отличие от обращения к капитану.

– Это ты молодец!

– Фашистов ждёшь? – между тем опять попытался отшутиться моторист. – Они не прилетят! Погода, может, нынче нелётная!

– Если бы ты был внимательнее, то смог бы заметить, что я смотрю не в воздух, а в воду. Я просто высматриваю крабов!

– А зачем они тебе? – Мишка рассмеялся и уселся верхом на борту. – Хочешь тоже проглотить? Но я тебе это не рекомендую, не очень хорошая эта идея на самом деле – по себе знаю!

– А я, наоборот, не хочу. Я вот и высматриваю их: чтобы ни единой твари не оказалось, и я успел пробежать и проплыть! Но все эти крабы такие маленькие. Наверняка они не больше фашистов. Незаметные и гадкие. Иначе как бы они в тебя попали? – Сашка нехотя пошёл дальше в воду и стал медленно

двигаться по направлению к застывшему на якорях бригу. – Интересно, как крабы внутрь человека пролазят?

– Я думаю, что они в любую щель или рану залазят, – стал заметно серьезнее Мишка.

– Думаешь?

– Когда я был в больнице, то там находились и другие мальчики. А то и девочки. И краб далеко не у всех был в желудке или кишечнике! Я был знаком с одним мальчиком. Сергеем. Вот у него краб жил в голове!

– Ничего себе! – присвистнул Сашка. – Это ж как ему больно, наверное, было! Особенно когда краб внутри шевелился!

– Это точно! У него голова была очень большая. А сам Серёжка так исхудал, что напоминал бамбук!..

– Представить даже не могу себе! – Сашка с явным трудом продвигался по реке. – Чтоб эти воды с крабами... – боцману пришлось оттолкнуться от дна и продолжить вплавь.

– Но вообще я видел самых разнообразных мальчишек! – продолжил моторист. – И у каждого краб поселился в разных местах. Мне кажется, что если краб попадёт внутрь через нос, то поселяется в лёгких. И тогда дышать становится сложно. Ещё была одна девочка с крабом в глазах.

– Ох! – Сашка мгновенно закрыл глаза, стараясь вообще не дышать, чтобы не открывать рот, поскольку носом дышать тоже не очень удобно.

– А ещё были крабы в груди. И один жил ещё в желудке, где-то ещё... – Мишка словно стал фантазировать. – Но самые страшные и неудобные крабы были в крови. Я просто даже не могу представить их! Наверное, они нападают тогда, когда на коже небольшие ранки.

– А у меня как раз, кажется! – Сашка уже начал подниматься на камни, внимательно оглядывая себя целиком. – Кажется, правда, у меня нет ни одного краба. На мне не видно! – мальчик вдруг задумался и поднял голову вверх. – И внутри, как мне кажется, тоже ничего! Ничего не чувствую! А, вообще, я теперь понимаю, почему мама и папа всегда заставляли

раздеваться и осматривали меня, если мы в лес за грибами ходили! Наверное, как раз крабов искали. Или их лесных сподвижников. Может, поэтому они в разных местах поселяются?

– Не знаю! Но вообще я поначалу тоже ничего не чувствовал!..

– Не накаркай! – сурово ответил Сашка. – А то тоже мне!..

– У нас, как оказалось, много, что есть! – вдруг вновь появился на палубе капитан. – Есть мясо в банках, грибы, твёрдые печеньки. Ещё колбаса, сало, сыр. Много чего!

– Боцман всё! – улыбнулся Мишка.

– В плане? – изумился капитан, остановившись от неожиданности.

– Дошёл до брига, – моторист перегнулся через борт. – Только осталось помочь подняться!

– Отлично! Нам остаётся придумать лишь, что у нас будет с обедом. Там внизу есть печка. Растопим наверху. И сможем пожарить себе еду.

– Замечательная идея! – поддержал капитана мокрый боцман. – Заодно можно будет высохнуть и согреться. Я сегодня не взял в путешествие с собой сменку. Хоть мама и заставила бы меня, если бы знала, куда отправляюсь.

– Тебе мама говорит взять сменку для дальнего плавания? – еле сдержался от смеха Мишка.

– Нет! Мне мама такое говорит, если у меня уроки физкультуры в школе. А сегодня у меня же столько всего случилось: плавание, ходьба, бег! От фашистов вот с крабами отбил. Настоящий урок физкультуры, если не два или три!..

– Кто у нас будет готовить? – между тем не унимался, как самый голодный, капитан.

– У нас нет в команде четвёртого, чтобы мы бы смогли его назначить коком, – сказал Сашка, пытаясь выжать одежду.

– Думаю, что кок – это очень ответственно, – поддакнул моторист. – Просто так со стороны не брать лучше, а то такого может приготовить!..

– Тогда считаю, что только капитан может совмещать и должность кока, – закончил размышления боцман.

27

Ближе к вечеру, когда солнце уже постепенно заходило за огромную гору, печь растопилась добела. Максим быстро отыскал спички, а доски от старых трухлявых ящиков из трюма послужили отличным топливом. Правда, изначально выбранное место на палубе оказалось неудачным: дым шёл так, что не осталось ни единого места, чтобы от него скрыться. И под ворчание боцмана пришлось перенести всё на корму. Тогда ветер, что постоянно и не очень сильно дул со стороны острова, сносил всё в море. Побережье окрашивалось в удивительный нежно-бордовый цвет.

Мальчишки расположились вокруг печи. В качестве стульев на палубу Мишка принёс из трюма три больших ящика. На них набросали тюки с чем-то мягким. Во время сооружения такого уютного места вся команда долгое время обсуждала, что именно находится внутри этих мешков. Но даже попытка открыть и проверить содержимое ничего не дала. Поскольку внутри были какие-то тряпки, ни предназначение, ни состав которых не знал ни один из членов команды.

– Наверняка, эти тряпки – что-то важное в пиратской профессии! – то и дело повторял боцман. – Просто мы не знаем! Надо только найти кодекс пиратства и там прочесть. Наверняка в нём всё и обо всём написано.

– А разве такой кодекс есть? – вальяжно поинтересовался Мишка, то и дело смотревший с непередаваемой широкой улыбкой на игру красок на небе и над успокоившимся морским заливом.

– Конечно! В море для всего есть кодексы, – с невероятной уверенностью вновь нашёл свою тему Сашка. – Начиная с профессий: каждой должности и морской профессии необходимо обучаться. И в кодексах всё это прописано, потому что никто не имеет права начинать выполнять обязанности в команде!

– А почему?

– Вдруг что случится! Тот же кок может судно спалить, если не окажется коком. А все пиратские корабли всегда деревянные!..

– Потому ты отказался от должности кока? – Максим сидел не на своём месте, а на досках прямо перед печью. – Забоялся?

– Конечно! Ты думаешь, что мне хочется висеть на рее? – Сашка поёжился.

– Если корабль сгорит, то реи уже не будет! – отметил Мишка, однако на это не получил никакого замечания, лишь недобрый взгляд боцмана, означавший, что он услышал.

– Ну, вот же я, – капитан щурился от дыма. – Я же стал коком, а кодексов при этом не читал!

– Ты – капитан. Тебе – можно!

– Я в ответе за всё?

– Конечно! Такие, как ты, кодексы и сочиняют. Все вместе собираются раз в год или по особым датам. И сочиняют. Потому что по отдельности каждый может такую ерунду написать. А вместе – отлично всё получается!.. Каждый говорит то, что знает, и получается полный и подробный кодекс. Он потом выдаётся каждому капитану.

– Но у нас на «Скорлупке» нет ни одного кодекса! – заметил Мишка. – Я, во всяком случае, не видел ничего.

– У нас и не может быть! – Максим поднял крышку сковороды, чтобы посмотреть, как обстоит дело с готовкой. – Я не ездил ни на какой слёт капитанов кораблей.

– Слёты бывают у пионеров и пчёл в улье, – грубо огрызнулся Сашка.

– Ну, сборы! Или сплывы! Сходы! – развёл руками капитан. – Я не знаю, как точно эти дела называются. Да я и не мог вообще знать: я там не был! Я же капитаном брига стал только сегодня.

– А когда бриг был построен? Давно? – поинтересовался моторист.

– По идее – сегодня ночью, – Максим кивнул. – Может, вечером вчера. Но это точно можно узнать только у папы. Он выполнял все функции строителя... Впрочем, по куче хлама внутри трюмов этого не сказать! У нас там столько вещей. Каких только нет!

– Кодексов нет, – напомнил Мишка.

– Значит, надо достать! – настойчиво заявил боцман.

– А где можно достать? – Максим продолжал вместе с разговором копаться в поварских делах вперемешку с истопничеством.

– На других кораблях!

– Но если кодексы есть у пиратов, если они распространяются только между пиратскими капитанами, то кодексы могут быть лишь у них! – Мишка каждый раз блистал логикой и размышлениями. – Разве не так, капитан?

– Не знаю точно! – Максим понимал, что в данном случае он может оказаться между двух огней, чего ему совершенно не хотелось. – Но вообще я не вижу ни единой причины, чтобы кодексы не оказались на нашем бриге!

– Это потому, что «Скорлупка» недавно только построена! – недовольно буркнул боцман.

– И по этой причине тоже!

– Тогда, получается, мы не сможем заниматься пиратством на море?

Этот вопрос моториста озадачил всех членов небольшого брига. Никто не смог сразу найти на него ответ. А, если и имел свой вариант, то, как будто, стеснялся о нём рассказать. Все трое просто погрузились в свои мысли, наблюдая кто за чем! Моторист смотрел на море и звёзды. Боцман то и дело поглядывал на угли, время от времени добавляя и убирая тонкий прутик, чтобы его раздувать и любоваться огоньками. А капитан занимался приготовлением еды.

Только треск углей, а также гул печи вперемешку со шкворчанием еды на сковородках нарушали тишину. Через десять минут Максим разделил небольшое количество тонко порезанных кусков бекона и сала. Всем досталось по целой

миске. Вместе с этим отличным добавлением к ужину стал поломанный сыр. Его просто вывалили на один деревянный поднос по кругу. В центре свалили консервированные кусочки курицы. Поднос стоял так, что каждый мог свободно дотянуться, а жар от печи подогревал пищу.

– Я грибы ждать не буду! – сказал капитан. – Пусть они ещё пожарятся, а я есть хочу!

– И правильно! – кивнул боцман. – Грибы нужно готовить долго и тщательно, так мой дядя и отец говорили! – Сашка оглядел своих товарищей. – И сейчас я несколько не шучу.

– Галету? – предложил моторист. – Жаль, хлеба нет, но галет у нас – море.

– Тут мяса столько, а ты печеньки предлагаешь! – рассмеялся Сашка.

Теперь тишину помимо гула печи и шкворчания грибов на сковородке нарушало неравномерное чавканье. Каждый мальчик медленно ел, аккуратно разжёвывая все куски жареной свинины. Поначалу даже никто не обращал внимание на общее блюдо. А оно из-за заката становилось всё менее и менее различимо на палубе.

– Я думаю вот что! – заговорил между делом капитан. – С пиратством нам надо несколько повременить.

– Согласен! – тут же кивнул Мишка.

А Сашка промолчал, но заинтересованно посмотрел на своего друга.

– И не потому, что мы задохлики или неумехи. И не трусы мы! Просто нам надо научиться управлять наши бригам в идеале: чтобы в совершенстве знать всё то, что есть здесь. Ну, чтобы у нас не получилось так, что мы бы погнались за торговцами, а вместо передней передачи на моторе включили бы заднюю. И только замедлились бы.

– Верно! – согласился боцман. – Оттачивать умения всегда полезно!

– А ещё нас трое! Всего трое! – произнёс капитан таким тоном, словно до этого момента никто больше не знал о таком факте, даже не догадывался. – А вдруг там в кодексах

прописано, что нельзя быть пиратами, если в команде, скажем, меньше десяти человек! Или пяти!

– Резонно! Только как нам узнать? Боцманам не по статусу читать и знать такие кодексы! Если мне его дадут – я всё быстро прочту. Но до этого – я пас! – развёл руками Сашка, держа в одной тарелку, а в другой большущий кусок сыра.

– В этом случае нам надо вооружиться терпением и хитростью. – дополнил капитан свою речь. – Нам нужно составить план действий и строго его придерживаться. Тогда мы ничего не нарушим в морских, пиратских или любых других кодексов.

– Точно! – кивнул опять боцман. – Потому что так может быть, что нарушителей кодексов после уже ни за что не допускают до их разработки и обсуждения. Значит, мы не сможем получить и в случае чего новый!

– Незнание закона не освобождает от ответственности! – добавил Мишка. – Так мне папа говорил, – поспешил оправдаться он, заметив пристальные вопросительные взгляды товарищей на себе.

28

Решили тут же, не отходя от печки, во время трапезы придумать план. Тем более, у каждого была масса идей, что именно добавить в этот самый план. Все идеи оказались правильными, умными и довольно завидными. Некоторые не вызывали никаких сомнений ни у кого. И потому сразу добавлялись в список. Другие следовало обсудить и уточнить со всеми. Потому что были непонятными. И требовалось доработать или объяснить всем. Несмотря на то, что все сидели тут же, дорабатывать и объяснять не стали – поскольку никто не хотел думать и дорабатывать даже свои, не то, что чужие идеи.

Весь план решили написать в четырёх экземплярах. Тогда каждому из мальчишек давалась бы одна копия. А ещё одна была общей, с которой при желании можно было бы свериться и определить правильный вариант.

– Этот оригинал должен храниться или в судовом журнале, или в специальном для этого секретном месте! – заявил сразу же боцман.

– А для чего это?

– Чтобы ты не смог его подделать! – указал Сашка на моториста, чем изрядно его обидел.

– Для чего мне его подделывать? И как? Он же будет на бумаге.

– Так твоим почерком! Ты потом, если что, перепишешь и скажешь, что наши варианты не верны! – настаивал боцман.

– Пожалуйста! – Мишка тут же протянул несколько крупных листов и карандаш капитану. – Больно это мне надо: писать в темноте.

– Я предлагаю положить в судовой журнал! – постарался всё разрулить Максим. – Судовые журналы никто никогда не подделывает. Это – верх правдивости на корабле.

– Резонно! – согласился боцман. – Никто и никогда не опустится до того, чтобы подделывать судовые журналы.

– Я тоже не спорю, – Мишка отодвинулся чуть подальше, чтобы ему опять не вручили бумаги и карандаш. – Я и до этого не спорил, – в голосе мальчика слышалась обида.

– А все остальные получают по копии. Каждая будет написана в трёх экземплярах. Каждый из нас её напишет, и у нас будут три одинаковых копии, написанные разными руками! – Максим стал сильно гордиться, что смог придумать такой план. – И точно не нужно будет прятать, ничего и никуда. Захочешь – не подделаешь!

– Резонно! – опять добавил Сашка.

Мальчишки после подобного предложения успокоились. Даже перестали смотреть друг на друга, как на врагов. Боцман стал смотреть больше и чаще в свою тарелку, хотя он и до этого не прекращал поглощать свою еду. Одновременно с этим мальчик никогда не гнушался в первую очередь взять из общей тарелки. Мишка же уселся вновь поудобнее – чуть придвинув тарелку поближе.

После этого Максим пододвинул к себе одну сковородку. Это была запасная сковорода, на ней никто ничего не готовил. Потому металл не нагрелся. А твёрдая и прочная поверхность отлично подходила как письменный стол в полевых условиях. Из-за малого количества света капитан постарался писать максимально коротко и ёмко. Ведь, в сумерках сложно удерживать ровную строку. При написании могло не хватить бумаги.

Вскоре при желании и достаточном освещении любой смог прочесть:

ПЛАН

1. Не паниковать.

2. Оставаться на корабле.

Продолжать наблюдение за истребителями бананов.

Разобраться с запиской из бутылки.

5. Стараться оставаться в тени.

6. Не выходить на «Скорлупке» из залива дальше, чем на двести кабельтовых.*

7. При встрече с кораблями оставаться в тени.

8. При любом удобном случае стараться узнавать правила поведения пиратов и просто моряков.

По возможности достать весь кодекс пиратов или просто моряков.

10. При столкновении с пиратским кораблём – действовать!

НЕ ПЛАН

**Узнать, что такое кабельтов, сколько это в расстоянии, а также понять, как измерить эти двести кабельтовых.*

Последнее написал сам Максим. Он так до конца и не понял, что такое этот самый кабельтовый. Как бы Сашка не пытался объяснить. К тому же они с Мишкой заспорили в точной размерности этой единицы. Моторист говорил, что это – очень много. Чуть ли не четыре с половиной километра. И потому двести кабельтовых – это как расстояние от

Благовещенска до Читы по прямой. Или до Владивостока! А боцман же твердил, что каждый кабельтов – это примерно половина круга стадиона. И потому обозначенное расстояние будет примерно около рифов.

Однако это всё непременно нужно было выяснить в ближайшее время. И при этом не забыть.

Пока писался весь этот план вместе с одним неплановым замечанием, стемнело уже окончательно. И потому писать ещё много-много копий оказалось проблематично. Никто не смог из всех членов экипажа справиться.

– Писать сразу всем троим, – предложил в очередной раз Максим.

– Резонно! – в очередной раз согласился с этим боцман.

– Заодно можем выучить текст! – Мишка уже закончил с ужином и удобно растянулся на палубе. – Лично я, когда что-то пишу, всё запоминаю. Мама говорит, это потому, что у меня особенная память – моторная!

– Поэтому ты в моторах так и разбираешься, – улыбнулся Максим. – Видишь, как у тебя получилось! У нас собрался отличный экипаж на нашей «Скорлупке».

– Предлагаю лечь спать! – боцман уже почти заснул, когда сказал это. – А то надо ещё сил набраться!

Продолжение следует...

Молодёжная библиотека им. А.П. Чехова

Альманах-газета «НЕОнлайн».
Выпуск 6(15). Июнь-Август 2022 года

Альманах-газета Молодёжного Амурского Литературного
Объединения

**Печатается в рамках реализации
Муниципального гранта администрации
г. Благовещенска в сфере культуры и искусства в
2022 году**

Молодёжное Амурское Литературное Объединение

Совет Молодых Литераторов Союза писателей России

e– mail: mail@amurpoet.ru
<http://amurpoet.ru>

содержание номера

Книги на 9 Волковских чтениях	56
Ярушина Гатяна	56
Литературоведение	62
Дарья Регина	63
Анастасия Приходько	79
Дарья Мельникова	92
Лага Шутова	97
Мария Цшинкина	99
Книги на 9 Волковских чтениях	103
Коваленко Андрей	107

**Печатається в рамках реалізації
гранта в сфері культури і мистецтва**

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ
ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

Дизайн обложки: Катерина Лобунько

